LB
475
C6K6

THE LIBRARY OF CONGRESS

Author

Title

Imprint

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ

ДВѢ РѢЧИ

А. Кочубинскаго

Přespolníhoouda Královské České Společnosti Náuk v Praze

ОДЕССА.

Тип. Шт. Войскъ Одесскаго военнаго Округа, Тираспольская, № 14.

1893.

Ian Amos Komenkii.
V. I. Grigorovich

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ

ДВѢ РѢЧИ

А. Кочубинскаго

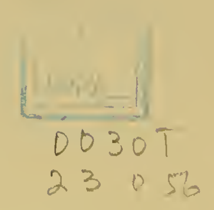
Přespolníhoouda Královské České Společnosti Náuk v Praze

ОДЕССА.

Тип. Шт. Войскъ Одесскаго военнаго Округа, Тираспольская, № 14.

1893.

LB475
C6K6

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *И. С. Некрасовъ.*

I

16 МАРТА 1892

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СУДЬБАХЪ СВОЕГО НАРОДА

*Милостивые Государи!**)

16-е марта настоящаго года — одинъ изъ тѣхъ нечастыхъ моментовъ современной жизни, когда люди, безъ различія крови, не заглушившіе еще въ себѣ чувства элементарной справедливости, исполнены одной мысли и объединяются духомъ въ одну культурную семью. Сегодня вездѣ, гдѣ только чтутся высокіе интересы школы для общества, какъ одной изъ первыхъ основъ его правильнаго развитія, съ признательнымъ чувствомъ воскрешаютъ образъ того, кто три вѣка назадъ въ этотъ день явился на свѣтъ Божій, на простыхъ, но глубокихъ мысляхъ котораго, посвященныхъ ребенку и юношѣ, основалась школа нововѣковой Европы и прошло умственное развитіе ея отдѣльныхъ обществъ. Можно думать — эти мысли пребудутъ, пока пребудетъ сама школа.

16 марта 1592 года, въ скромной семьѣ чешскаго мельника, но члена извѣстнаго въ европейской жизни того времени политико-религіознаго общества такъ называвшихся «братьевъ» (Jednota Braterská), въ небольшомъ городкѣ Моравіи, близъ венгерской границы (Бродъ), родился Янъ Амосъ (т. е. изъ рода Миличъ) Коменскій, виновникъ современной элементарной школы

---

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго Общества при Университетѣ 16 марта 1892 года, въ трехсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Коменскаго.

—съ нагляднымъ обученіемъ, виновникъ общеобязательной народной школы, виновникъ реальнаго типа школъ, виновникъ и современной раціональной и гуманной педагогіи, съ ея требованіями постепенности, соразмѣрности и общей гармоніи. О немъ уже современники говорили: «постигъ всѣ тайны обученія».

Коменскій явился міру на рубежѣ кроваваго XVII вѣка для того, чтобы предстать съ словомъ и дѣломъ мира и любви, какъ ангелъ міра, среди крови и проклятій, среди опьяняющихъ кровавыхъ ликованій. XVII вѣкъ, это — эпоха вспышки послѣднихъ вакханалій католическаго фанатизма отъ береговъ Атлантическаго океана и до береговъ Днѣпра, фанатизма, который, хотя и анахронически, но и сегодня, препоручается одной частью нашего славянскаго племени въ грубыхъ и приторныхъ романахъ пресловутаго Сенкевича. XVII и XIX вѣкъ, чехъ Коменскій и полякъ Сенкевичъ!... Въ христіанской крови захлебывалась «христіанѣйшая» и просто «христіанская» Европа. Не сдерживалъ ее и самъ турокъ, который изъ столицы Венгріи сторожилъ порогъ жилища самого «апостолическаго величества» въ Вѣнѣ, впрочемъ, этотъ грозный турокъ — уже вѣковой политическій другъ «христіанѣйшаго короля», автора извѣстныхъ драгонадъ, другъ Франціи.

Въ лицѣ Коменскаго въ послѣдній разъ историческій геній чешскаго народа вспыхнулъ яркою звѣздою на умственномъ горизонтѣ охваченной страстями Европы XVII вѣка. Угасъ этотъ яркій свѣточъ, поперемѣнно свѣтившій среди различныхъ народовъ Европы, отъ пышнаго Лондона и до убогаго Шарошъ-Потока въ Венгріи, но въ жизни человѣчества оставилъ вѣковые слѣды по себѣ.

Признательный всюду откликъ къ сегодняшнему дню — свидѣтельство того. Это — сознательная дань отъ учениковъ своему учителю XVII вѣка.

Увлеченные мощною фигурою своего Коменскаго, своего послѣдняго генія въ исторіи, отечественные біографы только что не говорятъ, что уже у груди матери Коменскій обдумывалъ свои педагогическіе постулаты: они-де были продиктованы ему мучительными годами его первой школы, ему, яко-бы уже взрос-

лому юношѣ среди обычной мелкоты *). Но, это — пріемъ агіографическій.

Начать бы хоть съ того, что сынъ моравскаго мельника посѣщалъ свою первую школу въ обыкновенномъ съ другими дѣтьми возрастѣ, а не въ возрастѣ нашего Ломоносова **), что уже потому не отъ этой школы могъ пойти толчекъ для преобразовательной дѣятельности Коменскаго въ вопросахъ о школѣ, объ образованіи человѣка изъ человѣка.

Конечно, угрюмыя воспоминанія изъ школьныхъ лѣтъ Коменскаго (а по нимъ нарисована старая педагогія на многихъ страницахъ его «Дидактики») имѣли свое мѣсто въ исторіи сложенія его идей, но не болѣе, какъ отталкивающія иллюстраціи, напр. зубренія, грубости отношеній, царства розги. Но самая реформа созрѣть, система принять опредѣленныя очертанія и сложиться въ грандіозное цѣлое, могла лишь постепенно, путемъ медленнаго процеса и подъ воздѣйствіемъ многоразличныхъ условій.

Университетскіе годы въ Германіи, гдѣ занимали его этнографическіе вопросы, напримѣръ, народные языки, вліяніе нѣкоторыхъ профессоровъ, съ ихъ рѣзкой критикою современнаго школьнаго нестроенія ***), нѣкоторыя явленія современной педагогической литературы ****), — вотъ тѣ главныя

---

*) См. біографію, написанную пок. Палацкимъ и приложенную къ юбилейному чешскому изданію «Дидактики», въ Прагѣ 1872 года, вторая страница, гдѣ фигурируетъ краснорѣчивое «zahy», т. е. сейчасъ, отъ разу...

**) Какъ это доказано въ послѣднее время трудолюбивымъ архивистомъ, г. Ф. Дворскимъ, въ его статьѣ: «Матеріалы для біографіи Коменскаго», въ журналѣ Музейнаго патріотическаго Общества въ Оломуцѣ («Časopis»), 1888 года, № 24, стр. 136 и слѣд.

***) Обстоятельный новѣйшій біографъ Коменскаго, пок. директоръ Фр. Зубекъ (Zoubek), называетъ Гейдельбергскаго профессора Вольфганга Ратирія, съ его «De studiorum rectificanda methodo».

****) Около времени университетскихъ занятій Коменскаго явилась латино-испанская «Janua linguarum», прототипъ одноименнаго труда Коменскаго; въ 1627 г. Коменскій натыкается на нѣмецкую дидактику Ильи Бодина и ею восхищается. Раннія занятія Коменскаго вопросами по педагогіи свидѣтельствуются и тѣми страницами его «Дидактики», гдѣ онъ говоритъ объ общемъ стремленіи въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ устранить «непорядочность школъ и методовъ».

условія, которыя могли вліять на пробудившіеся запросы въ богатой анализирующей натурѣ молодаго Коменскаго. Но если разновременныя мысли Коменскаго вылились затѣмъ въ одну положительную, возвышенную гуманную систему, согрѣты такимъ горячимъ, христіанскимъ чувствомъ къ человѣку; если вся система проникнута одною идеею, какъ выростить полезнаго человѣка — христіанина, человѣка, для котораго какъ бы излишенъ былъ нравственный законъ непротивленія злу,—то только потому, что возвышенною этическою единицею была сама «Община братьевъ», въ лонѣ которой Коменскій родился, выросъ, и въ которой онъ рано сталъ выдающимся дѣятелемъ — педагогомъ и духовнымъ руководителемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя отказать въ педагогической смышленности, психологическомъ пониманіи дѣла и членамъ другой современной «братьямъ» «Общины», какъ не отказывалъ имъ въ томъ и самъ Коменскій. Мы разумѣемъ здѣсь педагоговъ изъ школы хромаго пампелунскаго артиллериста, столь извѣстнаго Игнатія Лойоллы. Но принципы іезуитской этики были прямо противуположны началамъ Общины братьевъ; боевая педагогія іезуитовъ, направленная между прочимъ къ вытравленію евангельскихъ идей «чешскихъ братьевъ», отвѣчала ихъ этикѣ: задача школы—дрессура памяти и умерщвленіе воли. Не грѣша противъ истины, противники іезуитовъ, «братья», могли обзывать ихъ школы противухристіанскими, или, какъ любили тогда выражаться, антихристовыми.

Педагогическую систему Коменскаго вызвали къ жизни борьба, тяжелыя политическія условія его чешской родины — въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія. Мотивы и цѣли ея прежде всего патріотическія. Онъ работалъ надъ ней въ интересѣ возрожденія, спасенія несчастной родной земли. «Мы, говоритъ Коменскій, пишемъ по-чешски Дидактику потому, что пишемъ для своего народа» (въ XXIX главѣ) Но спасти свой народъ при посредствѣ школы Коменскому не удалось. Зато съ признательностью воспользовались его животворящими идеями другіе народы, и при жизни его, при его непосредственномъ участіи въ самой организаціи школъ, но особенно позже. Позволимъ себѣ утверждать, что и Песталлоци, и Дистервегъ лишь поздніе ростки стараго чешскаго дерева. Мы этимъ не умаляемъ заслугъ швейцарскаго

и нѣмецкаго педагоговъ болѣе новаго времени, но только справедливо возстановляемъ генеалогію идей *).

Такимъ образомъ, «инъ сѣяй, а инъ жияй». Но — таковъ именно была судьба чешскаго народа, отъ начала его историческо жизни, судьба, съ которой намъ и необходимо нѣсколько познакомиться, чтобы затѣмъ имѣть возможность установить прямую связь между педагогическими идеями Коменскаго и духовною атмосферой его собственнаго народа, установить мѣстно-историческое происхожденіе его педагогическихъ трудовъ, чуждыхъ всякой академической трактаціи. Внѣ культурныхъ условій развитія духовныхъ интересовъ чешскаго народа нельзя уяснить себѣ того возвышеннѣйшаго гуманизма, которымъ проникнуты педагогическія идеи Коменскаго и который былъ для него точкою отправленія.

«Благословенъ ты: кто равенъ тебѣ, о народъ мой, освобожденный о Господѣ»!

Такъ восклицаетъ Коменскій въ своемъ «Завѣщаніи умирающей матери», т. е. Общины братьевъ, написанномъ въ чисто библейскомъ духѣ и стилѣ.

---

*) При нашей умственной зависимости отъ западной мысли, нѣтъ ничего удивительнаго, если и наши лучшіе педагоги-мыслители въ своихъ свѣдѣніяхъ по исторіи современной педагогіи ниже Песталоцци не спускаются и Коменскаго не знаютъ. Вотъ прекрасная книга пок. Пирогова: «Собраніе литературно-педагогическихъ статей» (Кіевъ, 1861). На стр. 104, касаясь вопроса о наглядномъ ученіи, Пироговъ выражается: «это со временъ Песталоцци сдѣлалось также аксіомою». Но наглядное обученіе было единымъ даже въ народныхъ школахъ Австріи еще въ половинѣ XVIII столѣтія, какъ видно напр. изъ доклада академика Эпинуса императрицѣ Екатеринѣ II при первомъ устройствѣ учебнаго дѣла у насъ. См. монографію пок гр. Д. А. Толстаго: «Городскія училища въ царствованіе Имп. Екатерины II» въ «Зап. И. Ак. Н.», т. 54. Не лишне припомнить и изъ нашего прошлаго, что одно изъ первыхъ изданій Московскаго университета, работъ его типографіи, было—«Orbis pictus Comenii», въ 1756 году, что знаменитый профессоръ—педагогъ Шаденъ въ 1768 году издалъ въ Москвѣ же «Видимый свѣтъ» Коменскаго на пяти языкахъ для русскихъ школъ, съ своимъ любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ изложилъ значеніе нагляднаго способа развитія понятій и изученія языковъ, что и въ московской университетской гимназіи шло обученіе латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ по этому учебнику педагога XVII вѣка. (Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 23, 151, 190).

Въ этомъ гордомъ воззрѣніи Коменскаго на прошлое своего народа не звучитъ фальшивая нота мелкаго народнаго самомнѣнія; не фантастическія грезы больнаго мессіаниста въ стилѣ Мицкевича говорили здѣсь въ Коменскомъ, а глубокое пониманіе смысла минувшихъ судебъ родной земли. Если отбросить библейскую фразеологію, то мы получимъ одно: Коменскій вѣрно отмѣтилъ главное содержаніе, философію чешской исторіи—этой огромной лѣтописи исканія народомъ «освобожденія», лѣтописи, послѣднія страницы которой и заполняются дѣятельностью самого автора великой «Дидактики», въ интересѣ того-же «освобожденія».

Исканіе освободительнаго, духовнаго идеала, нормы для жизни, явленіе это проходитъ чрезъ всю исторію чеховъ *). Упрямое стремленіе ихъ къ нормѣ временами подымало противъ нихъ Европу. Казалось бы, что небольшой народъ долженъ погибнуть въ неравномъ поединкѣ; но энергія и сила убѣжденія выносила его на верхъ, и онъ открывалъ періоды въ исторіи Европы. Не забудемъ, что задолго до Лютера была пробита первая брешь въ зданіи папства именно чехами, ихъ кровью. Прибавимъ, что самая увертюра 30-лѣтней войны и вестфальскаго мира, надолго утвердившаго отношенія въ средней Европѣ, открылась въ Прагѣ, увертюра, которая для самихъ чеховъ была трагическимъ финаломъ.

Такимъ образомъ, въ частной исторіи одного народа мы читаемъ общую исторію Европы — завидное положеніе, которое можетъ указать исторія немногихъ народовъ.

Прослѣдуемъ-же за ходомъ «освободительныхъ» моментовъ въ исторіи чеховъ, отмѣтимъ тѣ, какъ выразился Коменскій въ своей «Дидактикѣ», «орудія, которыя во мракѣ возжигали народу чешскому свѣтъ правды» (глава XXVIII). Конечно, не всѣ «орудія» одинаковой стоимости.

---

*) И черезъ два столѣтія ту-же высокую мысль Коменскаго объ общемъ значеніи исторіи чеховъ повторяетъ и чешскій исторіографъ, пок. Палацкій, отдавая отчетъ о своихъ сорокалѣтнихъ историческихъ работахъ; но, къ сожалѣнію, онъ съуживаетъ глубокій взглядъ своего сотоварища изъ XVII вѣка, ставши на чисто конфессіонально-протестантскую точку зрѣнія: «старые чехи, говоритъ Палацкій, поставивъ великую задачу—освобожденіе человѣческаго духа отъ средневѣковаго авторитета. («Dějiny národu českého» d. V, č. II, 1867, стр. V).

Освободительнымъ, истинно освободительнымъ моментомъ и открывается чешская исторія, исторія славянъ на крайнемъ Западѣ.

Кто, чье исканіе вызвало въ жизнь грандіозное явленіе въ исторіи Европы — Славянскую церковь, художественную организаторскую дѣятельность Свв. Кирилла и Меѳодія? Гдѣ, въ чьей землѣ, она нашла свое первое примѣненіе и развитіе?

Пришли въ Византію посланцы отъ моравскихъ (чешскихъ) славянъ просить «правды», духовнаго о Господѣ освобожденія, и вотъ, отвѣтомъ на это исканіе нормы и была дѣятельность великихъ апостоловъ Славянства, но которые, прежде всего, апостолы чеховъ. Событіе міроваго значенія, которому славяне обязаны своимъ національнымъ развитіемъ въ будущемъ.

Да, что̀ было бы съ нами, славянами, если бы иниціатива чеховъ IX столѣтія не вызвала къ жизни блестящей попытки образованія національной церкви, а съ этимъ и появленія третьей, національно-христіанской письменности, въ параллель греческой и латинской? Намъ думается, что одни славяне тѣснѣйше вошли бы въ сферу одного, византійскаго, центра, другіе — другаго, римскаго; но свой культурный типъ едва ли бы сформировался. Судьба балтійскихъ славянъ едва-ли бы была далека для многихъ изъ насъ. Заслуга чеховъ для всѣхъ славянъ неоцѣнимая!

Казалось, враждебное теченіе снесло безслѣдно съ чешской земли апостольскую дѣятельность Свв. братьевъ. Но — своимъ казовымъ торжествомъ оно не смыло памяти о ней въ народной массѣ. Великая идея о равноправной народной церкви не умерла отъ внѣшняго удара, жизненность ея не изсякла.

Какъ затерявшійся въ болотной чащѣ потокъ, славянская культурная идея не переставала жить среди чеховъ, но незамѣтно, пока новыя условія не вынесли ея снова на верхъ, и не потекла она свободно снова.

Эти новыя условія — церковно политическая дѣятельность Гуса.

Современники-враги издѣвались надъ Гусомъ и надъ его историческою вифлеемскою с т о д о л о ю*), какъ обзывали они его знаменитую народную аудиторію-часовню, но не предчувствовали,

---

*) Stodola по чешски — овинъ, въ малорусскомъ также с т о д о л а.

что идеи, шедшія изъ «стодолы», взрыхляли почву для будущаго сѣва «освобожденія».

Гуса сожгли; унято было путемъ фальшиваго компромисса и кровавое возмездіе — гуситскія войны. Но съ пущеннымъ по вѣтру прахомъ Гуса не разнеслись въ воздухѣ идеи Гуса. Онѣ воскресли, но уже не въ формѣ единоличнаго мнѣнія, а въ образованіи грандіознаго духовнаго братства — «Общины чешскихъ братьевъ».

«Изъ пепла Гусова волею Божьею пробудились я и мои дѣти», говоритъ у Коменскаго сама «Община», озирая пройденный ею свой жизненный путь *).

Но познакомиться съ этимъ пробужденіемъ, это значитъ познакомиться съ жизнью послѣдняго полутора столѣтія государственной независимости чеховъ. Поэтому мы будемъ кратки.

Зерно горюшно, изъ котораго выросло могучее дерево пробужденія, ютилось въ глухомъ уголкѣ югозападной Чехіи.

Въ сельцѣ Хельчицахъ, въ первой половинѣ XV вѣка, проживалъ одинъ мелкій землевладѣлецъ («zeman»), въ юности побывавшій въ Пражскомъ университетѣ, слушавшій даже Гуса, но скоро бросившій университетскую науку (она не отвѣчала его живому темпераменту), а потому болѣе автодидактъ, но мыслитель сильный, оригинальный. Ему суждено было въ судьбахъ своего народа съиграть болѣе смѣлую роль, чѣмъ самому Гусу: профессоръ Гусъ своею критикою расчищалъ почву, а этотъ своеобразный ученикъ его явился, но самъ не ища того, создателемъ цѣлой политической организаціи, съ смѣлою попыткою — самое общество перестроить на совсѣмъ новыхъ началахъ — идеальнаго христіанства.

Это былъ Петръ Хельчицкій.

Тихая деревенская жизнь Хельчицкаго проходила въ изученіи Библіи, отцовъ церкви, затѣмъ въ чтеніи сочиненій Гуса и другихъ. Но съ негодованіемъ онъ отнесся теперь къ новымъ ученымъ, и своимъ, и чужимъ. Онъ не выносилъ «великихъ и славныхъ профессоровъ Пражскаго университета», этихъ «соблазняю-

---

*) Цитата у Зубка, op. c., 71, изъ «Завѣщанія».

щихъ съ пути истины магистровъ и докторовъ», затмевающихъде своими трактаціями законъ Христовъ, «всѣхъ старыхъ и новыхъ докторовъ, украшающихъ ложь, а массами своихъ книгъ творящихъ одинъ соблазнъ». Но въ центрѣ его ненависти стоялъ одинъ ученый — «докторъ Томашъ, монахъ изъ Аквины», который «впервые, съ ироніей поясняетъ Хельчицкій, внесъ разумъ въ римскую церковь, тщательно вымѣривши адъ и найдя тамъ ихъ цѣлыхъ три». Этотъ Томашъ—извѣстный оффиціальный философъ Римской церкви, Ѳома Аквинскій, «theologorum princeps» — «не такъ давно предъ нами жившій», поясняетъ авторъ.

Результатомъ этихъ деревенскихъ чтеній и размышленій Хельчицкаго былъ рядъ трудовъ на тему о настоящей христіанской жизни. Наиболѣе же сильно написанный трактатъ навѣянъ былъ изученіемъ Апокалипсиса, нѣкоторыя мѣста котораго предлагали богатый матеріалъ для современныхъ параллелей. Хельчицкій разыскиваетъ апокалипсическую жену на звѣрѣ червленомъ и безъ труда находитъ ее въ папствѣ, «сидящемъ на водахъ многихъ», въ его организаціи, ученіи. Но самый важный изъ трудовъ, это — о гражданскомъ законѣ, какъ восполненіи Закона Божія. Впрочемъ, всѣ эти труды тѣсно связаны между собою одною идеею — о необходимости общественнаго-де оздоровленія, возвращенія жизни къ эпохѣ апостольской, о необходимости людямъ «возвратиться къ первоначальному состоянію невинности»*).

---

*) Эти мелкіе трактаты Хельчицкаго были напечатаны вскорѣ по открытіи книгопечатанія, но, кажется, не сохранилось ни одного печатнаго экземпляра. Вѣроятно, рука палача книгъ, знаменитаго чешскаго фанатика XVIII столѣтія, Коньяша, много поработала надъ ними. Но сохранились въ рѣдкихъ рукописяхъ, по которымъ и изданы чешскимъ евангелическимъ Обществомъ «Comenium», въ Прагѣ, 1891—92 г. подъ заглавіемъ: «Памятники чешской реформаціи», подъ редакціей г. Караска (Karásek), каковымъ изданіемъ и пользуемся мы при изложеніи ученія Хельчицкаго. Имп. Академія Наукъ предприняла изданіе полнаго собранія сочиненій Хельчицкаго. Такъ, отпечатанъ уже весь, наиболѣе обширный, трактатъ: «Сѣть вѣры», подъ редакціей преждевременно умершаго знатока сочиненій чешскаго философа, Ю. Анненкова Для науки изданіе нашей Академіи — драгоцѣнный вкладъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ мы говорили объ ученіи Хельчицкаго въ своей диссертаціи «Братья—Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка», пользуясь отрывками изъ его трудовъ въ изв. историческихъ сочиненіяхъ Палацкаго и Гиндели.

Требуя освобожденія людей отъ «мертвыхъ обычаевъ», общаго во всемъ опрощенія, Хельчицкій указываетъ: на мѣсто царившихъ доселѣ лжи, «носящей на себѣ обликъ правды», лицемѣрія, притворства должно поставить внутреннее христіанство, устроить жизнь по евангелію, «вести жизнь свою Христа ради, къ его чести и хвалѣ», «поклоняться Христу добрымъ сердцемъ и истиннымъ разумомъ», а изъ темной, грубой массы «съ разумомъ скотьимъ» сдѣлать христіанъ, поставить «свѣтъ во тьмы мѣсто».

Нагромождая обвиненіе на обвиненіе противъ «жены на звѣрѣ», т. е. папства, за своекорыстную практику христіанства среди христіанскихъ обществъ, отчего-де вся жизнь людей протекаетъ внѣ христіанства, не смотря на массу законовъ, массу науки, за модификацію Закона Божія, при страстномъ желаніи— «а нельзя ли чего внести въ него и отъ себя»?, за сокрытіе Св. Писанія отъ народа и подмѣну его «неосмысленнымъ пѣніемъ», смѣлый мыслитель выставляетъ свой тезисъ: что «Законъ Христовъ, самъ по себѣ, безъ людскихъ добавленій, вполнѣ достаточенъ для того, чтобы основать на немъ здѣсь, на землѣ, настоящее христіанское общество и это общество вести впередъ»*). Осуществленіе этого принципа, это—воскрешеніе въ жизни первовѣковаго христіанства, съ его простотою отношеній и порядковъ, съ требованіемъ непротивленія злу и пр.; тогда настанетъ одинъ миръ, безмятежность, наступитъ идеальная жизнь на землѣ.

Не мірская мудрость нужна людямъ, а одно слово Божіе, подчеркиваетъ Хельчицкій, но только чтобъ оно, это слово, не «выкрадывалось у народа избранными». «Какъ стремился народъ израильскій къ Ветхому Завѣту, поясняетъ авторъ, такъ народъ христіанскій долженъ устремляться къ Закону Христову, съ вѣрою и прилежаніемъ, ибо этотъ законъ самъ отъ себя каждаго дѣлаетъ христіаниномъ». «Но, прибавляетъ Хельчицкій, нѣтъ еще тѣхъ, которые его выполняли бы». Все это задачи будущаго, а пока «всюду ты найдешь однихъ людей — поколѣніе Каиново», потому что Законъ Божій нелегокъ для человѣка: «онъ отымаетъ у него, говоритъ Хельчицкій, все, что такъ дорого человѣку на этомъ свѣтѣ: и любовь, и удовольствія, всякія пріобрѣте-

---

*) Положеніе это принадлежало еще учителю, пражскому профессору Противѣ; но послѣдовательно развито было оно Хельчицкимъ.

нія и присвоенія имуществъ (ибо все это грѣховно), всѣ вольности и свободы политическія».

Такимъ образомъ, отрицаніемъ личной собственности и политическихъ правъ Хельчицкій уже прямо входитъ въ центръ интересовъ общественной организаціи. Въ Законѣ-де Божьемъ всего этого нѣтъ; все это людскія добавленія, восполненіе того: «все это, продолжаетъ авторъ, умертвило Законъ Божій, изгнало его вонъ, и людское восполненіе стало на мѣсто Закона Божія, держа въ своихъ рукахъ смерть».

Строго послѣдовательный себѣ, отвергая мірское знаніе, собственность, политическую организацію, Хельчицкій не могъ не отвергнуть права суда, употребленія власти, принужденія, а главное — войны, т. е. всѣхъ требованій исторически слагавшихся обществъ. Отрицаніе всего этого логически выходило изъ буквально понимаемой заповѣди непротивленія злу. Онъ сильно порицалъ самаго Гуса за то, что тотъ былъ причиною пролитія крови, что далъ людямъ мечь на защиту вѣры *), тогда какъ, по его убѣжденію, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни не позволительно употреблять военную силу, пользоваться кровавыми услугами оружія **).

Идиллическія размышленія увлекающагося, страстнаго Хельчицкаго, приведшія его къ общему отрицанію всего, что выработалось въ человѣчествѣ путемъ долгаго, органическаго процеса, совпали съ эпохою извѣстныхъ Базельскихъ компактатовъ. Побѣда была какъ будто на сторонѣ гуситовъ: Римъ, хоть только въ обрядѣ и притворно, но уступилъ своему чешскому врагу.

Теперь можно было ожидать общаго успокоенія умовъ, утомленныхъ долгою борьбою. Повидимому, наступало время, самое неблагопріятное для какихъ либо опять начинаній, и можно-бы думать потому, что для крайнихъ идей Хельчицкаго никакой

---

*) Хельчицкій прежде всего могъ имѣть въ виду знаменитую революціонную рѣчь Гуса къ народу въ виѳлеемской часовнѣ 22 іюня 1410 года, въ отвѣтъ на запрещеніе свободы слова съ церковной каѳедры (ее могъ слышать и самъ Хельчицкій-студентъ): «настала потребность, говорилъ тогда Гусъ, по примѣру Моисея опоясаться мечемъ и защитить законъ Божій». (См. третій томъ богатаго и объективнаго труда профессора Томка: «Dějepis Prahy», 1875, 482).

**) Ср. «Rukověť k dějinám literatury české», пок. І. Иречка стр. 287.

почвы болѣе уже не было, что мечты деревенскаго философа останутся при немъ, а въ жизни пронесутся мертвымъ звукомъ. Дѣйствительно, небольшая группа такъ называвшихся «сѣрыхъ поповъ», блузниковъ, поражавшихъ современниковъ невзыскательностью своего наряда, вотъ и вся пропаганда Хельчицкаго въ началѣ. Вѣдь чехи добились отъ Рима завѣтной чаши (калиха), а другъ Хельчицкаго, ученѣйшій Рокицана, стоялъ во главѣ особой чешской церкви, т. наз. подобоевъ (sub utraque specie, подъ обоими видами принимавшихъ причастіе). Но — мира въ душѣ чешскаго народа не было.

Притворныя уступки Рима льстили лишь такимъ честолюбцамъ, какъ Рокицана, а масса, народъ, бившійся не искусства ради, а искавшій все идеала старины, нормы жизни, былъ чуждъ ликованій отъ дешевой побѣды надъ старымъ врагомъ, Римомъ, и его мысль бродила по прежнему *). Къ тому же раздраженіе усиливалось отъ слабой нравственности новаго, національнаго, духовенства калишниковъ. Люди по прежнему искали нормы, выхода изъ условій жалкой современной жизни и обрѣли его — въ Хельчицкомъ, въ его идеяхъ. Такъ поняли они свое положеніе.

Сельцо Хельчицы было своего рода Ясною Поляною той эпохи. Сюда приходили люди образованные, и свои, и чужіе, чтобы изъ устъ хозяина принимать живые уроки новаго ученія. Посѣтилъ однажды Хельчицкаго одинъ молодой человѣкъ, по имени Григорій, но племянникъ самого Рокицаны. Предварительно же Григорій начитался сочиненій Хельчицкаго, которыя, помимо своего содержанія, отличались энергическимъ, возбуждающимъ изложеніемъ и сильнымъ народнымъ языкомъ.

Посѣщеніе Григорія имѣло мѣсто незадолго до смерти Хельчицкаго, который тогда писалъ свою послѣднюю книгу: «Сѣть вѣры». Личное знакомство глубоко поразило юношу. Григорій

*) Къ этому времени относятся пересылки у чеховъ съ Константинопольскою церковью. Но она сама была уже почти готова на унію съ Римомъ, а въ 1453 г. турки порѣшили Византію самое. Не лишено интереса то обстоятельство, что тогда же, въ качествѣ матеріальнаго доказательства своего стараго православія, чехи отправили въ Константинополь и знаменитое свое славянское евангеліе, извѣстное теперь подъ именемъ Реймскаго.

прильнулъ всею душею къ мыслямъ Хельчицкаго и рѣшился на смѣлый шагъ — осуществить ихъ въ жизни, сначала, въ скромныхъ размѣрахъ, въ укромномъ уголкѣ сѣверо-восточной Чехіи, около города Болеславы. Къ Григорію примкнули и «сѣрые попы» — непосредственные ученики вскорѣ умершаго Хельчицкаго.

Такъ возникло знаменитое въ исторіи чеховъ Братство или Община братьевъ, имѣвшее громадное политическое и культурное значеніе.

Новое братство было прямымъ отрицаніемъ всей современности. Но нравственное содержаніе ученія, строгость, простота и чистота жизни членовъ новаго общества быстро популяризировали его, и въ ряды его потянулся, естественно, прежде всего простой, неученый людъ, чтобы затѣмъ увлечь своимъ примѣромъ и другихъ *).

Но отвергнутый Григоріемъ міръ имѣлъ людей съ образованіемъ, съ властью, богатыхъ. Что же дѣлать «Христа ради братьямъ», если бы къ нимъ пожелали войти и эти люди? Оставаться-ли вѣрными идеямъ Хельчицкаго, или уступить искушенію возможности блестящей преспективы?

Послѣ долгихъ колебаній политика примѣненія взяла верхъ. Сначала снято было прещеніе съ мірской мудрости, а затѣмъ и съ личной собственности и права власти. Какъ обыкновенно бываетъ при компромисахъ, остановились на среднемъ пути, при массѣ оговорокъ. Особенно тяжело было искушеніе въ вопросѣ о власти: вѣдь если отступиться отъ идей Хельчицкаго, то необходимо признать и отвергнутую имъ соціальную организацію.

Прошло около полувѣка, и къ братьямъ потянулись—чего мы менѣе всего могли бы ожидать — и люди богатые, изъ высшихъ сословій.

---

*) На сколько нравственная строгость въ жизни членовъ Общины сбаятельно дѣйствовала на людей, видно изъ того, что когда позже, въ ½ XVI вѣка, братья зашли и въ Польшу, жизнь ихъ тамъ стала укоромъ для современниковъ, желанной цѣлью для подражанія. Знаменитый польскій политическій писатель того времени, Modrzewski, въ своемъ проектѣ: «Poprawa Rzeczy Pospolitéj», требуетъ реорганизаціи духовныхъ судовъ чрезъ пополненіе ихъ мірянами затѣмъ, «чтобы и у насъ была таже чистота нравовъ, какую мы находимъ у братьевъ чешскихъ, среди которыхъ нѣтъ ни разврата, ни пьянства, ни картъ, ни танцевъ, ни музыки — никакихъ свѣтскихъ забавъ и развлеченій». (Tarnowski St., «Pisarze polityczni XVI wieku», I, 213).

Въ началѣ 10-хъ годовъ XVI столѣтія произошла умилительная сцена: въ Братскую Общину вступало лицо, владѣнія котораго обнимали громадное пространство Чехіи, на землѣ котораго впервые братья основались. Это была Іоанна изъ Крайка. Она готова была отказаться отъ всего: отъ своихъ земель, отъ крестьянъ; но предварительно она запросила будущихъ своихъ сочленовъ: оставаться-ли ей при власти, или безусловно отречься?

По долгомъ размышленіи, главы Общины отвѣчали — не отрекаться, владѣть всѣмъ по старому, но разсудительно и честно, для чего они изготовили Іоаннѣ особенную инструкцію, обязывавшую ее всегда милосердствовать о бѣдныхъ и въ томъ же духѣ приказать поступать всѣмъ ея управляющимъ, прикащикамъ.

Такимъ образомъ, въ ученіи и начальной организаціи была сдѣлана брешь, а вскорѣ сказались и результаты этого шага: почти вся Чехія была покрыта густою сѣтью братскихъ обществъ. Въ рядахъ братьевъ были теперь могущественнѣйшіе паны, рыцари и населеніе лучшихъ городовъ. Недавно ничтожная секта, Община стала теперь рѣшающею политическою силою.

Съ измѣнившимся внѣшнимъ положеніемъ усилились и хлопоты Общины о повсемѣстномъ проведеніи въ жизнь ея этическихъ началъ, насколько послѣднія согласовались съ политикою примѣненія. Любопытно слѣдить за дѣйствіями въ этомъ духѣ Общины относительно своихъ членовъ изъ высшихъ сословій и людей правящихъ.

«Благородные, учила Община, не должны, ниже въ мысляхъ своихъ, возвышаться надъ худорожденными. Свое благородство они должны полагать въ одномъ благородствѣ дѣйствій по отношенію къ своимъ крестьянамъ, украшать свое благородство не нарядами или праздностью, но добрыми нравами, честностью и трудомъ на пользу себѣ и своихъ ближнихъ. Господь Богъ поставилъ ихъ надъ людьми, чтобы служить имъ, а не за тѣмъ, чтобы отягчать поборами и работами».

Въ томъ же христіанскомъ духѣ составлена была и инструкція для лицъ правящихъ: имъ не чиниться благорожденіемъ надъ простыми людьми, но знать, что по рожденію они равны имъ, а по должности своей — слуги ихъ.

Согласно условіямъ политики примѣненія формулировано было теперь и этическое ученіе о правѣ силы, о войнѣ: надле-

жить избѣгать войны до послѣдней крайности, особенно, если поводъ къ ней безнравственный — жадность, честолюбіе или обстоятельство духовнаго свойства. Такъ примиряли они теперь основное требованіе Хельчицкаго — безусловнаго непротивленія злу — съ условіями жизни *).

Легко видѣть, что эта формулировка рѣшенія вопроса объ употребленіи оружія страдала дѣланностью: при открытіи дѣйствій некогда академически докапываться до «повода», иначе, промедленіе и горькій финалъ,—и потребовалось немного лѣтъ, чтобы сами братья, на себѣ самихъ, тяжко испытали всю искусственность своей формулировки боевой этики, именно, когда пришлось самимъ имъ прикоснуться — злополучнаго оружія.

Наблюденія за поведеніемъ перваго Габсбурга на чешскомъ престолѣ, Фердинанда I (съ 1526 года), вскорѣ открыли предъ Общиною опасныя преспективы — его фанатическую ненависть къ братьямъ и его тонкій, лукавый умъ.

Сосѣдняя Германія была тогда въ религіозной войнѣ. Фердинандъ, естественно, помогалъ брату, императору Карлу, а симпатіи Общины, т. е. чеховъ, были на сторонѣ протестантовъ и ихъ вождя, саксонскаго курфюрста. Въ виду этого, члены Общины рѣшаются на революцію, чтобы предупредить грозу надъ собою, да и на самое государство, на всю систему управленія, наложить рѣзкую печать своей братской этики, а при успѣхѣ, свергнувъ Фердинанда, избрать саксонскаго курфюрста.

Въ предварительномъ общемъ собраніи представители всѣхъ трехъ государственныхъ сословій (паны, рыцари, города) вырабатываютъ проэктъ будущей братской государственной конституціи. Главныя начала ея были: свобода совѣсти, вездѣ одинъ судъ и замѣна назначаемыхъ королевскихъ чиновниковъ избранниками отъ земли, по округамъ, т. е. внутренніе порядки, дѣйствующіе въ предѣлахъ каждаго братскаго прихода (собранія), переносились теперь на государственную организацію. Скрупу-

---

*) Этими «декретами» Общины мы пользуемся въ извлеченіи изъ сочиненія заслуженнаго чешскаго историка, г. Тифтрунка: «Odpůr stavů českých» въ 1547 году (Прага 1872 г.). Этимъ же трудомъ мы пользуемся и сейчасъ же ниже, при изложеніи революціи 1547 года.

лезный пуризмъ братьевъ обнаружился въ незабвеніи даже предписанія, какого рода платье должны носить руководители будущаго братскаго государства: «важности ради своего сана, говорила новая конституція, они носятъ платье почтенное, длинное и должны всемѣрно остерегаться — и остерегаются — отъ разныхъ легкомысленныхъ и неприличныхъ нарядовъ».

Наконецъ, каждый шагъ революціи былъ отмѣченъ строгимъ исполненіемъ обычаевъ братской жизни, тогда какъ надлежало дѣйствовать быстро, не теряться въ формализмѣ.

Братья ликовали заранѣе въ увѣренности успѣха, но — поторопились. Ихъ боевая этика заставляла ихъ постоянно колебаться, предпочитать полумѣры, оттяжку рѣшительности дѣйствій, не смотря на то, что всѣмъ уже было ясно, что борьба открывалась по «обстоятельству именно духовнаго свойства». Они въ вѣчномъ опасеніи за нарушеніе требованія непротивленія злу, даже по отношенію къ тѣмъ, кого они титуловали не иначе, какъ «народъ, хуже содомскаго» (это наемные солдаты Фердинанда изъ Испаніи, Италіи), или къ тѣмъ, кто ихъ, братьевъ, открыто объявлялъ, выражаясь современнымъ языкомъ, шайкою заговорщиковъ («srocení pikhartské»). Волновались и сидѣли, сложа руки.

Понятно, что скромный образъ дѣйствій скромныхъ революціонеровъ привелъ ихъ къ гибели, а то самое государство, которое они собрались облаготворить на свой образецъ, къ крупной бѣдѣ.

Одна выигранная битва Фердинандомъ въ Саксоніи (апрѣль 1547 г.) и братской революціи былъ конецъ. Открылась теперь тяжелая расправа надъ братьями: паны, рыцари потеряли массу земель, а города вмѣстѣ съ землями и права. Но главное вниманіе было обращено на духовныхъ руководителей Общины: пресвитерамъ и учителямъ приказано было немедля выселиться, подъ угрозою смерти. Казнь грозила и тѣмъ, кто укрывалъ-бы ихъ.

Съ этого момента центръ дѣятельности Общины переносится изъ Чехіи въ сосѣднюю Моравію, куда направились эмигранты; немногіе ушли въ Польшу. Въ Моравіи пока была полная свобода совѣсти *).

*) Здѣсь еще раньше образовались свои духовныя общества, съ наклонностью къ раціонализму, напримѣръ, «Братья Лулечскіе». О нихъ см. статью В. Брандля: «Янъ Дубчанскій», въ «Часописѣ Моравской Матицы», 1882.

Итакъ, желаніе у братьевъ было смертное, да участь горькая. Братская этика для дѣятельной политики оказалась непригодной. Революціей 1547 года Община сдѣлала одно: она приблизила конецъ Чехіи, какъ государства. Матеріально обнищенная, обезсиленная умственно, заполоненная «содомскимъ народомъ» — всякими проходимцами изъ Зап. Европы и сынами Лойоллы, Чехія была теперь уже полумертвымъ политическимъ организмомъ, съ слабымъ напоминаніемъ о былой, но еще недавно, Чехіи, съ доминирующими братьями во главѣ. Отъ старины осталось одно—нелюбовь къ Габсбургу, перешедшая теперь въ ненависть.

Роковая революція 1547 г. подготовила катастрофу 1620 г. Осуществленіе стараго замысла, т. е. низверженіе Габсбурга, союзъ съ Моравіей, гдѣ теперь усѣлись братья господами, имѣли тѣ-же результаты, что и первый заговоръ противъ перваго Габсбурга. Возставшія некатолическія сословія были раздавлены въ битвѣ подъ Прагой (ноябрь 1620), на Бѣлой горѣ.

Придворный іезуитъ, привѣтствуя Фердинанда II съ побѣдой, рекомендовалъ ему «упасти» братьевъ палицею желѣзной, какъ посудину горчешную сокрушить ихъ, и совѣтъ былъ исполненъ.

Повторились пріемы 1547 года, но въ значительно большихъ размѣрахъ. Некатолики бѣжали или были осуждены въ изгнаніе. Но главное вниманіе было обращено опять на братьевъ: они удалены были изъ послѣдняго своего убѣжища на родной землѣ—изъ Моравіи. Оставалась Польша, куда они и вышли, во владѣнія богатыхъ Лещинскихъ, гдѣ образовалось общество «польскихъ братьевъ» еще отъ времени первой эмиграціи, въ городъ Лешно.

День Общины «преклонился», какъ выразился Коменскій. Благодаря покровительству могущественнаго друга, богатаго брата Жеротина, котораго долго щадилъ даже Фердинандъ II, самъ Коменскій былъ въ состояніи позже другихъ оставить родную и разоренную Моравію и открыть скитальческую жизнь полунищаго, но пока, не безъ дорогой надежды на скорый возвратъ всего стараго въ своей злополучной Чешской землѣ.

Итакъ, политическая, активная кампанія Общины, такъ неудачно открытая въ 1547 году, была совсѣмъ проиграна. Уда-

ры «палицы» были слишкомъ чувствительны. Община, занятая раньше все дѣлами политики и вопросами оружія, забывала про оружіе другое, духовное, болѣе удобное для борьбы — про образованіе, хотя, какъ было указано выше, прещеніе съ мірской мудрости было снято давно. Въ этомъ вопросѣ братья были предупреждены противниками — братьями Іисусовыми, іезуитами, которые давно оцѣнили значеніе школы и мастерски ее утилизировали для своихъ «соблазновъ и интригъ» (svodové a praktiky), какъ справедливо жалуется Коменскій (Didactika, kap. XXVIII). Теперь только и братья вспомнили о школѣ и обратились къ ней.

Въ то время какъ ихъ товарищи по оружію, лютеране, рыскали по европейскимъ дворамъ, собирая коалицію и съ надеждою на быстрое возвращеніе, эмигранты-братья, при той-же вѣрѣ въ добрый все-таки исходъ ихъ дѣла, рѣшили встрѣтить это отрадное событіе, возвратъ на родину, съ строго обдуманною организаціею школьнаго дѣла, построивъ обученіе на своихъ этическихъ принципахъ — непринужденія и любви. Братья теперь твердо вѣрили, что школа возродитъ ихъ родную землю, воротитъ имъ то, что погубила политика, оружіе.

Эту организацію школьнаго дѣла для будущей, новой, возвращенной Чехіи и принялъ на себя молодой пресвитеръ Коменскій. Въ политическихъ условіяхъ Чехіи и чешской эмиграціи 20-хъ годовъ XVII столѣтія — отправная точка преобразовательной педагогической дѣятельности Коменскаго.

Въ выборѣ по исполненію политической задачи ошибки не было: выработанная педагогія «Общины чешскихъ братьевъ» стала достояніемъ всего цивилизованнаго міра. Ею знаменитая Община продолжала жить, послѣ того какъ сама исчезла съ лица земли, жить ея славою, которая, по любимому выраженію Коменскаго, «есть жизнь послѣ твоей смерти».

Правда, только въ октябрѣ 1632 г. братья оффиціально постановили: «Коменскому приложить наибольшее стараніе ко всему тому, что касается до будущаго веденія и улучшенія школъ»; но неоффиціально школьный вопросъ былъ поставленъ среди братьевъ уже съ первыхъ дней эмиграціи, какъ условіе всего ихъ будущаго.

«Мы видѣли собственными глазами, писалъ тогда самъ Коменскій, все плачевное состояніе церкви и школъ. Наша скорбь

въ виду этого и наши (къ чему скрывать?) надежды, что милосердіе Божіе воротится къ намъ снова когда-нибудь, побудили насъ усиленно стараться объ устраненіи этого зла на будущее время, чтобы тогда (т. е. по возвращеніи) открыть какъ можно скорѣе новыя школы, снабдить ихъ хорошими книгами*) вмѣстѣ съ методомъ естественнымъ и яснымъ, чтобы любовь къ знанію, добродѣтели и благочестію снова и наилучше зацвѣла. Мы принялись за это дѣло горячо и сдѣлали тогда же, еще скрываясь на родинѣ, все, что были въ состояніи»**).

Таковъ генезисъ «Дидактики» Коменскаго, этого новаго метода обученія, «естественнаго и яснаго», для будущихъ братскихъ школъ въ Чехіи.

Эпохальный трудъ, какъ видно изъ признанія автора, былъ обрабатываемъ быстро. Энергіи, быстроты требовали отъ него политическія событія, готовыя было вотъ-вотъ измѣнить печальное положеніе Общины.

Надежда на возвращеніе, казалось, уже стала осуществляться, когда осенью 1631 года протестантскія войска, разбивъ австрійцевъ, овладѣли Прагою. Изъ Праги посыпались іезуиты, а въ Прагу эмигранты. Восторгъ былъ несказанный: въ стѣнахъ тынскаго каѳедральнаго собора, стараго университета жаркіе молебны, вездѣ горячія лобызанія, слезы радости, при общей увѣренности, что «Сіонъ» исторгнутъ теперь изъ вражьихъ рукъ навсегда, Прага, Чехія уже свободны.

Къ этому-то свѣтлому моменту эмиграціоннаго періода Общины и пріурочено было окончаніе «Дидактики», чтобы послужить общему дѣлу возрожденія Чехіи. Коменскій пуще всего опасался, что его педагогическія мысли «останутся въ мозгу или на бумагѣ, не будутъ проведены въ жизнь», какъ онъ самъ выражается, и страстно желалъ одного — «чтобы наша дорогая родина могла бы воспользоваться предлагаемою ей здѣсь помощью для счастливаго уврачеванія своихъ застарѣлыхъ недуговъ» ***).

---

*) Конечно, это тѣ, которыя въ самой «Дидактикѣ» названы: «расположенныя по методу naturae» (глава XXVIII).

**) Зубекъ, op., c. стр. 15.

***) «Didaktika», kap. XXVIII.

Заключительная часть «Дидактики» озаглавлена: «Почему же мы должны такъ торопиться съ открытіемъ школъ»?—Чтобы не прогулять минуты, не опоздать, отвѣчаетъ патріотъ. «Дорогіе соотечественники! взываетъ Коменскій, не будемъ же опоздавшими въ дѣлахъ благородныхъ. Намъ, именно, намъ, раньше всѣхъ другихъ народовъ необходимо подумать объ ученіи, потому что въ минувшее время, мы, имѣя плохія школы, были предметомъ пренебреженія и насмѣшки». Пробѣжавъ затѣмъ вопросъ о пагубномъ вліяніи іезуитскихъ школъ, «начиняющихъ антихристовыми мерзостями сердца невиннаго юношества», Коменскій указываетъ, что минута для начатія дѣйствій наступила: «все ведетъ къ тому, чтобы намъ сейчасъ же приняться за реформу школъ, именно, то радостное обстоятельство, что гнѣзда антихристовы — іезуитскія и монастырскія школы — очищены, что настала веселая весна послѣ жестокой зимы». Очевидно, имѣется въ виду занятіе Праги саксонцами.

Въ заботѣ о быстромъ проведеніи въ жизнь выработанной организаціи школъ, авторъ «Дидактики», въ концѣ своей системы, приложилъ «Краткій проэктъ обновленія школъ въ Чешскомъ королевствѣ». Здѣсь въ отдѣльныхъ параграфахъ суммированы главные пріемы и требованія новой школы. Очевидно, это было какъ бы руководство для тѣхъ, которымъ предстоялъ трудъ «уврачеванія застарѣлыхъ недуговъ»—мѣстнымъ организаторамъ. Теперь намъ вполнѣ понятно, почему знаменитая Дидактика, съ своимъ объяснительнымъ приложеніемъ по организаціи школъ, отъ элементарной и до высшей, академической, носила въ рукописи автора и второе, политическое, заглавіе—по послѣдней цѣли, для которой она писалась Коменскимъ: «Рай возраждающейся Общины или рай чешскій». Наконецъ, одновременно съ «Дидактикой» Коменскій работалъ надъ двумя дополняющими ее спеціальными проэктами: о школѣ дѣтской или «материнской» и школѣ народной (vernacula). Все это одно и тоже чувство святой любви къ своему народу диктовало ему, чувство — поднять народъ послѣ годины испытаній.

Это сознательное, глубоко продуманное участіе Коменскаго въ замышленномъ духовно-политическомъ возрожденіи Чехіи есть лучшее возраженіе противъ модной теоріи, вышедшей изъ-подъ пера молодыхъ чешскихъ историковъ, о якобы благодѣтельномъ для самой Чехіи значеніи пораженія возставшихъ че-

ховъ на Бѣлой горѣ въ 1620 году, что Чехія давно бы уже онѣмечилась, если-бы въ концѣ концовъ кровавую тяжбу выигралъ не Габсбургъ съ іезуитами, а Братская Община.

Но патріотическая поспѣшность Коменскаго была напрасна, какъ и общее ликованіе—преждевременно. «Веселая весна», которую уже предвкушалъ было авторъ «Дидактики», была однимъ обманчивымъ миражемъ: недавняя «жестокая зима» снова вошла въ свои права.

Побѣдители—саксонцы и братья-эмигранты—не болѣе полугода продержались въ Прагѣ. Въ маѣ 1632 года Вальдштейнъ взялъ Прагу, Сіонъ опять перешелъ въ руки врага, и на этотъ разъ на-всегда, а счастливые было обитатели Сіона поспѣшили убраться вонъ, чтобы уступить мѣсто іезуитамъ, которые уже и обработали вѣковаго чешскаго «еретика» по своему — своею «противуреформаціей» *), на цѣлыя столѣтія.

Коменскій, какъ и большинство выдающихся членовъ Общины, лично не воспользовался минутнымъ освобожденіемъ родины и оставался въ Польшѣ. Но надежда на возвратъ все не оставляла никого, и Коменскій по прежнему усиленно работалъ надъ учебниками и пр.

---

*) Какъ кстати вышло въ свѣтъ грандіозное изслѣдованіе объ іезуитскомъ хозяйничаньѣ въ Чехіи по очисткѣ духа заслуженнаго спеціалиста въ этой области чешской исторіи, директора Билека: «Reformacé katolická neb obnovení náboženství katolického v království českém po bitvě bělohorské». Болѣе цѣннаго и болѣе патріотическаго приношенія къ юбилею Коменскаго чешская историческая наука не могла сдѣлать, какъ предложивъ въ общее обращеніе книгу г. Билека, съ самимъ детальнымъ изученіемъ вопроса объ обращеніи еретиковъ въ едино спасающее лоно: плетью (karabáč), тюрьмой и иными того же рода пріемами отъ господъ миссіонеровъ, на пространствѣ болѣе полутораста лѣтъ. Да, горечью и справедливымъ негодованіемъ исполняется сердце каждаго порядочнаго чеха при чтеніи муравьинаго труда г. Билека. Но это изслѣдованіе поучительно не для одного чеха, но и для каждаго образованнаго человѣка. Если отрицательное направленіе такъ популярно на Западѣ, то главная заслуга этого принадлежитъ папству, его духоморной кровавой политикѣ по отношенію какъ къ отдѣльнымъ лицамъ съ искрой Божіей, такъ и цѣлымъ народамъ. Достаточно назвать Гуса и чешскую противуреформацію съ 1620 г. и почти до конца XVIII столѣтія, всю эту грубую борьбу противъ чешской «lues» — заразы, нерѣдко весьма комическую, но всегда поучительную. Современные іезуиты плачутся, что они — что генералъ безъ арміи. Живо вспоминается намъ бесѣда въ Брюннѣ съ однимъ изъ іезуитскихъ воспитанни-

Правда, миръ, заключенный между саксонскимъ курфирстомъ и Фердинандомъ II (1635), въ значительной мѣрѣ поколебалъ шансы надежды—видѣть Чехію свободной отъ Габсбурга; но пока шла война, надежда не терялась. Но когда былъ заключенъ и Вестфальскій миръ (1648), и въ мирномъ договорѣ о Чехіи и братьяхъ не было ни полъ слова, нѣмое отчаяніе овладѣло братьями, и старѣющій Коменскій, это орудіе всѣми ожидавшагося духовнаго и политическаго возрожденія Чехіи, былъ въ состояніи сказать одно: «въ горлѣ антихристовѣ оставлены мы на вѣчныя времена»!

Въ горечи сознанія о безплодности для Чехіи всей своей преобразовательной дѣятельности въ вопросахъ школы бездомный патріотъ могъ теперь только тихо скорбѣть, что «желалъ было поработать для родной земли, а пришлось послужить лишь чужимъ *).

Но такова сила великаго дѣла, что, предначертанное въ соображеніи частныхъ интересовъ одного общества, оно само прокладываетъ себѣ дорогу въ широкій міръ Божій. Такъ и братская «Дидактика» чеха Коменскаго давно стала достояніемъ общечеловѣческимъ, давно уже является въ роли благодарнаго орудія, помогающаго людямъ достиженію ими ихъ послѣдней на землѣ цѣли — духовнаго единенія, устраняя условія разобщенія.

«Община чешскихъ братьевъ» умерла раньше Коменскаго, «угасъ, по выраженію великаго старца, двухвѣковой свѣтиль-

ковъ Инспрукскаго университета, о лекціяхъ его профессора церковной исторіи на эту тему и о томъ, съ какимъ сердечнымъ чувствомъ влекутся они, іезуиты, къ русскому народу, съ его сильною вѣрою, съ какою любовію принялись бы они за него. Искренности ихъ нельзя не вѣрить... Но — благодареніе Богу — проба на лицо: своею любовью они погребли Польшу, а изъ насъ — второй Польши не будетъ. — И въ нашемъ портфелѣ собрались любопытные матеріалы изъ нѣкоторыхъ старыхъ церковныхъ архивовъ о борьбѣ съ чешской «заразою», изъ половины XVIII стол. — наканунѣ конца іезуитамъ. При случаѣ воспользуемся.

*) Зубекъ, op. c. стр. 15. Это тяжелое чувство обманутаго во всѣхъ надеждахъ патріота и вылилось тогда въ его «Завѣщаніи умирающей матери Общины». Вспоминая свои педагогическіе труды, вызванные политическими событіями родины, онъ въ такихъ словахъ заставляетъ говорить о нихъ умирающую: «поработали на улучшеніе школы нѣкоторые изъ сыновъ моихъ и приготовили лучшій способъ упражненія юношества, за который сейчасъ же ухватились многіе народы, безъ различія происхожденія и вѣры».

никъ». Но — не погасъ свѣтъ отъ него — въ великихъ идеяхъ о христіанскомъ обученіи людей, въ трудахъ послѣдней главы Общины. Свѣтъ этотъ не перестаетъ освѣщать людямъ путь къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя занимали и на смертномъ одрѣ великаго скитальца XVII вѣка—«какъ бы всѣ люди могли быть приведены къ единству въ вѣрѣ, какъ бы миръ возвратить на землѣ людямъ», при чемъ этотъ идеальный другъ людей не выключалъ изъ міровой общины ни одного народа — съ вѣрою въ Бога.

Но, какъ ни далека эта послѣдняя стадія, всѣ мы не можемъ не вѣрить, что все же возвратится миръ «въ людей озлобленную душу»—

«Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся»,

когда и народъ, давшій міру Коменскаго, безусловное признаніе найдетъ. А пока чешскій народъ можетъ быть гордъ сознаніемъ, что у него и самый отдаленный потомокъ преклонится передъ дѣлами отцовъ.

II

---

18 ОКТЯБРЯ 1892

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ

ВЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ

Ваше преосвященство
и ревнители памяти нашего учителя.

Влекомые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, мы собрались сегодня къ подножію памятника того человѣка, бренные останки котораго 16 лѣтъ тому назадъ, глухою зимнею порой, здѣсь, на этомъ священномъ и историческомъ теперь мѣстѣ, мы, исполняя нашъ послѣдній долгъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ предавали холодной землѣ — къ подножію памятника нежданнаго гостя Елисаветграда, Виктора Ивановича Григоровича *).

Внезапно и нежданно Григоровичъ оставилъ насъ, какъ внезапно, за немного недѣль предъ тѣмъ, покинулъ онъ и Университетъ свой, и Одессу, чтобы, по волѣ Провидѣнія, обрѣсти

*) Въ извлеченіи настоящая рѣчь была произнесена въ Елисаветградѣ, 18 октября 1892 г., на могилѣ В. И. Григоровича, при открытіи ему надгробнаго памятника, въ присутствіи преосвященнаго Акакія, епископа елисаветградскаго. Въ сокращенномъ видѣ помѣщена въ «Славянскомъ Обозрѣніи», 1892, ноябрь—декабрь. Авторъ этой рѣчи, какъ адъюнктъ проф. Григоровича по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій съ сентября 1871 года и по оставленіи профессоромъ нашего университета въ сентябрѣ 1876 года, былъ командированъ Совѣтомъ, вмѣстѣ съ ордин. профессоромъ И. С. Некрасовымъ, въ Елисаветградъ для участія при погребеніи. Произнесенная имъ тогда надъ гробомъ рѣчь напечатана въ брошюрѣ: «Памяти товарищей» (въ 1878 г.).

смерть вдали отъ нея, и смерть настоящую, упокоеніе отъ мятежа, волненій. Холодная могила приняла, мерзлая земля простучала и — закрыла на вѣки того, кто во всю свою жизнь былъ одна энергія—въ тяжелыхъ поискахъ одного—правды, котораго благородный образъ —

Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ —

былъ еще такъ свѣжъ въ благоговѣйной памяти его учениковъ и почитателей. Еще недавно онъ глашалъ

Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ...*)

А теперь?... Былъ одинъ прахъ.

Житейскіе счеты закончились. Въ обществѣ стали недосчитывать одного члена, но — кого и какого?

Есть дѣятели жизни, воспоминанія о которыхъ, какъ часто бы они ни повторялись, надолго еще останутся предметомъ живаго интереса, освѣженія, ободренія. Къ нимъ и принадлежалъ Григоровичъ.

Пламенный характеръ и самоотверженіе, глубокій, острый умъ, упражненный рѣдкимъ образованіемъ, и необыкновенное трудолюбіе стараго бенедиктинца, все это гармонически соединялось въ немъ, все это введено было имъ въ дѣло и создало ему славное имя въ наукѣ, въ исторіи нашего отечества. Имя Григоровича — крупная страница въ исторіи Славяновѣдѣнія. Жизнь его — рядъ личныхъ жертвъ, дѣятельность — подвижничество «необыкновеннаго ученаго», какъ сразу опредѣлили его современники. Таланта, отъ Бога даннаго, онъ не закопалъ.

Имя Григоровича переноситъ насъ въ эпоху сложенія университетскаго Славяновѣдѣнія. Онъ былъ изъ числа тѣхъ четырехъ избранниковъ тридцатыхъ годовъ, которымъ предлежала завидная доля — ввести новую научную систему въ сознаніе родной жизни, выполнить завѣтъ нашихъ знаменитыхъ историческихъ старцевъ изъ эпохи предшествующей — Румянцева и Шишкова.

Собою Григоровичъ замкнулъ славную серію тѣхъ избранниковъ; но собою открылъ онъ и отходъ ихъ туда — объ онъ полъ жизни, оставивъ за собою право на первое вниманіе въ лѣтописяхъ науки.

*) Изъ стихотвореній Хомякова.

Если его сотоварищи обратились главнымъ образомъ къ детальному изученію еще недостаточно обслѣдованнаго Славянства и тѣмъ обогащали науку, то Григоровичъ, разбираясь въ томъ же архивѣ тысячелѣтней славянской жизни, пытался каждый разъ, дѣлая свои вклады, проникнуть возможно глубже, въ быломъ Славянства вскрыть идею, въ пестрой массѣ чередующихся явленій выслѣдить руководящее начало или являться съ творческою мыслью.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси,

сказалъ однажды старшій современникъ Григоровича, вдохновенный философъ Хомяковъ, обращаясь къ родной землѣ, и въ этихъ словахъ былъ какъ бы данъ завѣтъ для дѣятельности нашего слависта, отмѣченнаго также непререкаемымъ присутствіемъ величайшаго блага — искры Божіей.

Свидѣтель своеобразной славянской взаимности отъ колыбели *), воспитанникъ ополяченнаго роднаго дома, затѣмъ ополяченныхъ базиліанъ (въ Умани), Григоровичъ, еще юноша, но заявляетъ и пытливость своего ума, и самостоятельность характера, свою оригинальность.

При первомъ посѣщеніи Одессы, онъ въ восторгѣ отъ нея, что и «безъ лексикона въ ней можно выучиться языкамъ» **), а

*) В. И. родился въ 1815 г. въ деревнѣ Антоновкѣ, Херсон. губ., ананьевскаго уѣзда, у самой границы Подольской губерніи, родовомъ имѣніи матери, урожд. Шелеховской, польки; отецъ православный, но не дворянинъ, родомъ изъ Черниговской губерніи, былъ исправникомъ. Послѣ ранней смерти матери, имѣніе ея, колыбель нашего слависта, не могло достаться ея дѣтямъ, какъ населенное, было отобрано и перешло назадъ въ ея родъ. Григоровичъ до самой старости со страстію повторялъ слова: «возвратите мнѣ гражданскія права»! Рѣдко кто понималъ значеніе этихъ многозначущихъ словъ, а они именно и относились къ отобранному имѣнію, отчего незамужняя сестра Григоровича (ее мы знавали въ Одессѣ) всегда была въ большой нуждѣ, а младшаго брата Олимпія, недавно умершаго въ Херсонѣ, ему пришлось самому воспитывать.

**) Его собственныя слова, слышанныя нами, не разъ въ бытность у негодоцентомъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ объясниться, что свѣдѣнія, источникъ которыхъ у насъ не указывается, почерпнуты или изъ нашихъ личныхъ замѣтокъ о бесѣдахъ съ покойнымъ, или изъ матеріаловъ нашего портфеля. Надѣемся, что никто не заподозритъ насъ въ измышленіи.

18-ти лѣтъ оканчиваетъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ глазахъ своихъ родныхъ, онъ уже готовый чиновникъ, съ вѣнцомъ высшаго образованія. Но снаряженный, по обычаю времени и по нѣкоторымъ особымъ расчетамъ, на службу въ Петербургъ, онъ, уже въ виду Петербурга, сворачиваетъ съ пути и укрывается въ Дерптъ, чтобы здѣсь, въ гнѣздѣ настоящей для того времени науки, спасти себя для науки, выработать изъ себя, путемъ лишеній и непрерывнаго труда, человѣка науки, пройти настоящій университетъ. О своемъ харьковскомъ періодѣ онъ только съ сожалѣніемъ вспоминалъ, напр. о томъ, какъ училъ онъ на-изусть лексиконъ Кронеберга, годами слушалъ съ каѳедры чтеніе басенъ Крылова съ приправою излишне откровенной эстетики. Образовательный элементъ былъ не великъ, очевидно. Показанія другихъ современниковъ не противурѣчатъ этимъ его воспоминаніямъ. Привычку же къ труду онъ могъ еще вынести изъ уманьской школы базиліанъ *).

Но вотъ въ скромномъ Дерптѣ предъ нашимъ бѣглецомъ-ослушникомъ широко раскрылись и обнявшая всю Европу философія Гегеля, и раціональныя классическія студіи, съ ихъ культомъ воспитывающей старины; межъ нихъ робко, случайно пробивались и славянскіе вопросы, задѣвавшіе мимоходомъ пытливаго юношу-классика. Онъ былъ счастливъ за Гегелемъ, за міромъ ветхимъ, и оба эти высоко-образовательные фактора и опредѣлили главное направленіе въ ожидавшей его самостоятельной дѣятельности.

Прошло цѣлыхъ пять лѣтъ — не малое пространство времени — въ сладкихъ лишеніяхъ за работою надъ собою, выработкою себя — и кто скажетъ, какъ долго продлилось бы это отшельничество, эта образовательная школа Григоровича, если-бы случай не вызвалъ его къ новой, дѣятельной жизни.

Небольшой кружокъ талантливыхъ молодыхъ людей приготовлялся тогда въ Дерптѣ къ профессорскимъ каѳедрамъ. Его составляли между прочимъ: астрономъ Савичъ, медикъ Варвинскій и политико-экономъ Горловъ. Съ ними, особенно послѣдними двумя, былъ близокъ Григоровичъ, отмѣченный

*) Ср. о воспитаніи у базиліанъ добрыя воспоминанія извѣстнаго друга Мицкевича, А. Е. Одынца: «Wspomnienia z przeszłości», Warszawa, 1884, 32—33.

уже тогда ими, какъ талантливый ученый, и человѣкъ рѣдкаго сердца. Когда же въ 1838 г. Горловъ попалъ въ Казань, онъ и указалъ мѣстному попечителю, Мусину-Пушкину (1827—1844), на своего молодаго ученаго друга въ Дерптѣ, какъ на возможнаго кандидата на открывавшуюся впервые въ Казани каѳедру Славяновѣдѣнія *).

Выборъ блестящаго адепта науки, съ широкимъ образованіемъ, былъ только и возможенъ для Казани: человѣкъ среднихъ силъ неминуемо бы затерялся въ требованіи открывать собою новую науку: Казань въ распоряженіе своего будущаго слависта могла предложить пять-шесть молитвенниковъ славянскихъ. Но ученый «необыкновеннаго порядка», какъ Григоровичъ опредѣленъ былъ сразу и въ Казани, хотя и съ недостаточнымъ титуломъ «дѣйствительнаго студента», нашелся: его спасъ, вынесъ на берегъ его философскій умъ, помимо талантливости натуры. Давно, еще въ Дерптѣ, проштудированный сухой трудъ знаменитаго чеха Шафарика, подъ философскою мыслью Григоровича, воскресилъ «глубоко сокрытый духъ» въ литературной исторіи Славянства, обнявъ частныя литературы славя́нъ, какъ откровеніе народнаго духа—народнаго сознанія**). Съ этимъ обобщающимъ

---

*) Вспоминая объ этомъ приглашеніи, старикъ любилъ иронизировать надъ собою, что его права на эту каѳедру основывались на знаніи еще изъ дома польскаго языка да на томъ, что онъ издали видѣлъ у Прейса, тогда гордаго учителя гимназіи въ Дерптѣ—онъ училъ у мѣстныхъ помѣщиковъ — «Glagolita Clozianus», но каковую книгу хозяинъ никогда не давалъ ему.

**) Этому истинно-правильному взгляду, поражающему насъ, если вспомнимъ когда и при какихъ условіяхъ онъ былъ высказанъ, авторъ, естественно, остался вѣренъ до конца своихъ дней. Въ своей глубоко содержательной и эффектной рѣчи на 11 мая 1871 года, въ первую годовщину Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества, которое онъ создалъ, такъ въ первое время лелѣялъ, прежде чѣмъ разочаровался (какъ секретарь Общества, въ первомъ году, онъ израсходовалъ своихъ денегъ нѣсколько сотенъ),—рѣчь, которую мы можемъ разсматривать, какъ внутреннюю автобіографію, исповѣдь души старѣющаго, но не состарѣвшагося знаменитаго слависта, Григоровичъ въ мастерской картинѣ общаго генезиса Славянской науки говоритъ: «Участіе, которое каждое славянское племя принимало въ общемъ движеніи поколѣнія, какъ ни кажется отрывочнымъ, несвязнымъ, можно нынѣ подвести подъ общія начала. При частныхъ литературахъ мы, слѣдственно, можемъ имѣть общую славянскую литературу». («Изъ лѣтописи науки словянской». Одесса, 1871, стр. 15). Въ инте-

характеромъ были оба его первые труда, сочиненія на степень кандидата и магистра, обработка, различная по объему, одной и той же темы.

Суровъ былъ приговоръ надъ магистерскимъ трудомъ министерскаго критика, стараго знакомца и по наукѣ товарища, Прейса, слависта Петербургскаго университета: Прейсъ требовалъ кассаціи университетскаго приговора — отнятія магистерства (недостаточность-де матеріала, повторяемость, при «философскихъ предубѣжденіяхъ», темнота изложенія). Но правъ былъ старикъ Востоковъ, который уже въ виду кандидатской работы, и также при оффиціальной ея критикѣ, провидѣлъ въ авторѣ, еще студентѣ Григоровичѣ, «достойнаго кандидата на каѳедру», и, вѣроятно, не для одной Казани.

Вдали голоса раздвоились. Но на мѣстѣ, въ Казани, первые шаги въ наукѣ студента-профессора производили чарующее впечатлѣніе, ихъ «чисто оригинальный взглядъ на исторію славянскихъ литературъ — стремленіе обработать ее въ совокупности, показать ихъ взаимодѣйствіе» *), не допускавшее двоенія. Конечно, этому не мало содѣйствовало и личное знакомство съ авторомъ. Въ рѣшительный моментъ жизни Григоровича, въ началѣ его самостоятельной службы славянской наукѣ, одинъ изъ его лучшихъ благожелателей—друзей, новый казанскій попечитель Молоствовъ, оффиціально произнесъ о немъ знаменательныя слова: «это — не обыкновенный ученый, посвящающій себя профессорскому званію для достиженія личныхъ цѣлей, но человѣкъ, страстный къ наукѣ, жертвующій всѣмъ для нея»**).

Потребовалось немного времени, чтобы эти вѣщія слова нашли для себя блестящее оправданіе. Открывшійся новый періодъ дѣятельности Григоровича, его командировка въ Турцію

ресѣ генезиса этого взгляда Григоровича въ 40-хъ годахъ на исторію славянъ надо замѣтить, что Григоровичъ имѣлъ въ нѣкоторомъ смыслѣ своими предшественниками В. Мацѣёвскаго и М. Вишневскаго (гегеліанцы), польскіе труды коихъ ему были хорошо извѣстны.

*) Изъ факультетскаго разбора кандидатской диссертаціи, сдѣланнаго проф. Горловымъ.

**) Изъ донесенія министру, отъ 6 авг. 1844 г., когда уже Григоровичъ отплывалъ изъ Одессы въ Турцію, начиналъ свое знаменитое славянское путешествіе.

и славянскія земли (1844—1847), разрѣшилъ послѣднее сомнѣніе во взглядѣ на смѣлаго новатора-слависта, когда онъ, вѣрный своей умственной привычкѣ, открылъ и здѣсь, въ новой области дѣятельности, новые пути, а не повторилъ своихъ старшихъ сотоварищей, и это при обстановкѣ, почти невѣроятной для нашего времени. Зато и возвратился Григоровичъ не только могучимъ славистомъ, но съ запасами науки, которые дали содержаніе для дѣятельности и его, и цѣлаго ряда ученыхъ, даютъ и сегодня, а имя казанскаго путника обезсмертили.

Востоковъ рекомендовалъ Григоровичу, въ оцѣнкѣ его перваго печатнаго труда, восполненіе свѣдѣній по исторіи южныхъ славянъ съ открытіемъ «новыхъ источниковъ». Но творецъ исторіи южно-славянской литературы, Востоковъ, не подозрѣвалъ, какое дѣйствіе произведетъ его ученый совѣтъ на страстнаго изслѣдователя въ Казани. Вѣроятнѣе всего, Востоковъ имѣлъ въ виду выходившее тогда въ свѣтъ свое монументальное «Описаніе рукописей Музея гр. Румянцева».

Въ то время какъ второй корифей современной славянской науки, радушный руководитель, поочередно, старшихъ товарищей Григоровича въ Прагѣ, Шафарикъ, восторженный «величественнымъ» твореніемъ Востокова—«Описаніемъ», объявилъ, что въ самой Россіи онъ уже напалъ на слѣдъ памятниковъ изъ эпохи начальной письменности славянъ: энергическій избранникъ Казани, «поставивъ изученіе исторіи литературы главнымъ предметомъ занятій»*)—область, почти не тронутую его сотоварищами, не удовольствовался работою другихъ, какъ плодотворна она бы ни была, рѣшилъ — не ждать «новыхъ открытій» отъ другихъ, а самому пойти на нихъ, какъ только онъ почувствовалъ себя, послѣ томительнаго искуса, нѣсколько самостоятельнымъ**).

---

*) Его слова изъ «Плана путешествія въ слав. земли», въ началѣ, напечатаннаго его заслуженнѣйшимъ ученикомъ, М. П. Петровскимъ, своею неостывающею любовью къ наукѣ, своею скромностью пріятно воскресающаго своего учителя.

**) Что вполнѣ самостоятельнымъ онъ чувствовать себя не могъ, ясно изъ одного того, что онъ имѣлъ казенную инструкцію, которая его казанскимъ недоброжелателямъ давала поводъ къ постояннымъ придиркамъ: «самъ учись, и только, во время путешествія, а не учить тебѣ другихъ», твердили они. Воглавѣ ихъ былъ юркій проф. Ивановъ.

Эта самостоятельность и открылась съ отъѣзда за границу, въ славянскія земли.

Намѣтивъ для себя не изученіе нарѣчій, не этнографію, не исторію политическую, а интересы славянской мысли въ словѣ, литературную старину, но въ связи съ культурными условіями эпохи, Григоровичъ въ этой съуженной сферѣ своихъ научныхъ интересовъ избралъ главнымъ образомъ одну, но самую кардинальную и темную, область—initia rerum literariarum: о началѣ славянской литературы — ея древнѣйшихъ памятникахъ, ея письмѣ и ея орудіи — языкѣ *). Вотъ почему, если его старшіе сотоварищи свой славянскій обходъ начинали съ западнаго конца, только въ мечтахъ своихъ лелѣя мысль о завершеніи его на недоступной Турціи и Аѳонѣ, то Григоровичъ, и здѣсь не повторяя ихъ, началъ именно свой славянскій путь съ нетронутаго, дикаго Востока.

Но что давало ему право на эту оригинальность? Одного желанія было мало. Помимо его натуры: талантливости и характера, заставлявшаго его жертвовать всѣмъ науки ради, одно важное условіе — «усмотрѣнная обширная начитанность и познанія», говоря словами казанскаго попечителя, въ донесеніи министерству отъ 29 мая 1843 г., классическое образованіе, знаніе языковъ древности и — Византіи. «Византійцы, писалъ онъ съ пути, сдѣлались необходимымъ чтеніемъ, а пріобрѣтеніе способа разумѣть ихъ достаточнѣе — постояннымъ предметомъ поисковъ» (1846 г. въ «Краткомъ отчетѣ»). Недалеко было время, когда и нѣмецкая наука устами одного изъ своихъ представителей, изв. Тафеля, произнесетъ судъ о нашемъ путникѣ: «Byzantinarum literarum optime gnarus» **).

---

*) Ранѣе своихъ сотоварищей, Григоровичъ съ университетской каѳедры первый училъ о высокомъ методологическомъ для науки языка значеніи церковно-славянскаго языка, имѣя въ этомъ вопросѣ предтечу въ Шафарикѣ. Мы имѣемъ въ виду его печатную программу преподаванія славянскихъ языковъ 1841 года. Нельзя думать, что талантливому воспитаннику нѣмецкой школы въ Дерптѣ было неизвѣстно движеніе науки на ближайшемъ Западѣ, направленіе великаго Боппа, введшаго, по указанію Шафарика, хотя и недостаточно, церковно-славянскій языкъ въ свою «Сравнительную Грамматику». Непререкаемый методологическій законъ современной науки былъ категорически высказанъ полъ-вѣка назадъ юнымъ славистомъ въ Казани—непререкаемое знаменіе крупнаго ума.

**) Tafel въ «Urkunden zur Geschichte der Republik Venedig», I, 247.

Того же требовалъ и пульсъ современной науки. «Трудная вещь, писалъ Шафарикъ своему другу, Погодину, въ Москву, 1 іюня 1840 г., напасть на слѣдъ рѣчей патріарха Фотія и другихъ разсужденій. Только путешествующіе ученые могли бы на мѣстѣ произвести настоящія изысканія»*).

Съ жаркими напутствіями московскихъ славянофиловъ: Валуева, Хомякова, даже съ пучками стиховъ послѣдняго, Григоровичъ покинулъ въ августѣ 1844 года Россію, чтобы изъ Одессы чрезъ Константинополь вступить первымъ на священную почву родины первоучителей славянскихъ, Солуня, а оттуда на Аѳонъ и далѣе въ глухую Македонію. Это отважное движеніе въ глубь дикой Турціи одиночнаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ только что не цѣлая эпопея, къ сожалѣнію, изъ печати вышедшая въ укороченномъ видѣ**). И сегодня тамъ одинъ ужасъ: а что тогда?...

Вотъ на пути у Охридскаго озера, гдѣ путешественникъ открываетъ живые слѣды культа св. Климента и другихъ учениковъ Славянскихъ Апостоловъ, изъ-за камней набрасывается на «даскала кир Григоровича, голема човека» (оффиціальный монастырскій на мѣстѣ титулъ его), подстерегавшій его болгарскій «попа» (священникъ) Йованчо, и нашъ путешественникъ,

---

*) «Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель». изд. Н. Попова, М. 1880, 267. Эта задача науки выставлена знаменитымъ славистомъ въ въ Прагѣ, какъ кажется, подъ вліяніемъ знакомства съ только что полученными имъ отъ Погодина его «Историческими изслѣдованіями»: онъ отклоняетъ отъ себя сужденіе о книгѣ московской--не его спеціальность, но дѣлаетъ отдѣльныя поправки (ср. ib. стр. 265, въ концѣ). Въ виду того, что лѣтомъ 1840 года Срезневскій уже работалъ въ Прагѣ, а Прейсъ поджидался сюда, можно думать, что, говоря о «путешествующихъ ученыхъ» (курсивъ въ подлинникѣ), Шафарикъ имѣлъ на примѣтѣ именно обоихъ русскихъ славистовъ.

**) Классическій «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи» (1848) сильно былъ урѣзанъ при печатаніи, о чемъ не разъ жаловался авторъ въ бесѣдахъ съ нами. Нерѣдко здѣсь языкъ Эзопа, и надо читать между строкъ. Увы! потерянъ (быть можетъ, на время) экземпляръ «Очерка» съ массою собственноручныхъ пополненій, не разъ видѣнный нами. При быстрой описи въ позднее ночное время (при нашемъ присутствіи) суд. приставомъ имущества покойнаго: рукописей въ сундукахъ, книгъ въ мѣшкахъ —экземпляръ этотъ намъ не попался. Кое-что изъ устныхъ слышанныхъ нами разсказовъ о путешествіи сохранилось въ нашихъ замѣткахъ о бесѣдахъ съ Григоровичемъ. Мы ими и пользуемся въ настоящую минуту.

«добрый русскій»*), съ трудомъ отдѣлывается отъ этого одичалаго эпигона св. Климента.

Еще бо́льшую неожиданность приготовилъ ему Велесъ: турецкій жандармъ хватаетъ его за воротъ и среди бушующей толпы тащитъ его къ пашѣ «какъ москова». Едва успокоилъ нашъ «даскалъ» пашу, что онъ простой «китабчи», книжникъ, писатель. Переночевавъ въ ханѣ, на зарѣ онъ бѣжалъ.

Но оставимъ дикую Македонію и прослѣдуемъ за Григоровичемъ на Аѳонъ, главный центръ его ученыхъ интересовъ, главное гнѣздо его литературной добычи, но куда давно уже были устремлены пытливые взгляды Добровскаго, Копитара, въ провидѣніи богатыхъ открытій для славянской науки. Здѣсь не было одичалыхъ «поповъ», фанатизованныхъ турокъ: но тѣмъ не менѣе встрѣча была грубая, на каждомъ шагу придирки, запасенныя рекомендаціи ни къ чему, а главное—ни къ чему желанному никакого доступа. Но Григоровичъ съ своимъ девизомъ —«всѣмъ для науки»—не постѣснился ни чѣмъ. «Его пламенная любовь къ предмету и самоотверженіе», говоря современнымъ признаніемъ гордаго имъ теперь его Университета**), все преодолѣли, указавъ ему особенные пріемы для разрѣшенія намѣченныхъ задачъ.

Чтобы сколько-нибудь расположить суровыхъ монаховъ на Аѳонѣ къ себѣ, открыть ихъ сердце, а съ тѣмъ и доступъ къ ихъ книжному, мало цѣнимому ими, хламу въ чуланахъ, чердакахъ, сырыхъ подвалахъ, въ заваленныхъ всякою дрянью погребахъ старыхъ башенъ и, наконецъ, въ библіотеки, онъ отстаивалъ всѣ церковныя службы съ ними, выполнялъ всѣ на-долго памятныя ему строгія добродѣтели ипомони ке эпакоп, питался только что не акридами, писалъ для монаховъ жалостныя прошенія въ Россію и Константинополь о сборахъ, и тогда уже

*) Съ такимъ дорогимъ титуломъ Григоровичъ остался на-долго въ памяти охридскихъ монаховъ. Когда въ 1861 году посѣтилъ Охридскій монастырь Св. Наума нашъ консулъ г. Іонинъ, одинъ изъ заслуженныхъ дѣятелей нашихъ на Востокѣ, старики—братья хорошо еще помнили путника изъ Казани. «...Вотъ ужь не то 12, не то 13 лѣтъ тому назадъ посѣтилъ насъ тоже русскій, Гри... Гри... Гри... — Григоровичъ, добавилъ я.—Такъ точно, знаете его? Прекрасный господинъ, ну, одно слово, русскій». (Газета «День», 1863, № 52, статья г. Іонина).

**) Отчетъ Казанскаго университета за 1846—47 годъ.

дозволяли ему — лазить, рыться *). Въ пиргѣ Хиландарскаго монастыря онъ спускался въ грязное подземелье, рылся тамъ среди гніющей груды рукописныхъ листковъ, весь въ извести выкарабкался изъ башни, но съ двумя листками древнѣйшаго кирилловскаго письма (Поученія Кирилла Іерусалимскаго, пожертвованныя позже нашему Университету, гдѣ они составляютъ сокровище его библіотеки), и тутъ же на берегу моря началъ стирку тысячелѣтняго пергамена. Но случалось и такъ, что ему только показывали рукопись, пригвожденную къ полу библіотеки большимъ костылемъ — нѣсколько своеобразная мѣра охраны собственности.

Но испытанія отъ чужихъ едва ли превышали тѣ униженія и оскорбленія, которыя Григоровичу приходилось выносить отъ своихъ, но съ которыми ему, по несчастной необходимости, пришлось сталкиваться—съ дипломатами. Уже въ Константинополѣ, при первомъ вступленіи на турецкую землю, его встрѣтили звѣремъ. «Какой шутъ надоумилъ тебя путешествовать въ такое опасное время», привѣтствовалъ его, съ характернымъ тыканьемъ, одинъ изъ среднихъ чиновниковъ посольства. Когда же онъ предсталъ предъ другаго, тотъ принялъ его, лежа на диванѣ, съ ногами на столѣ, и едва удостоилъ нѣсколькихъ словъ.

*) Ὑπομονή—пребываніе дома, искусъ; ἐπακούω—слушаю, отсюда работаю, какъ послушникъ, въ монастырѣ. 25 окт. 1846, когда Григоровичъ давно уже былъ въ Прагѣ, изъ Букурешта пріятель его Котовъ, небольшой чиновникъ въ мѣстномъ русскомъ консульствѣ, писалъ ему между прочимъ: «...Недавно былъ здѣсь архимандритъ Порфирій (знаменитый Успенскій, позже епископъ чигиринскій) на возвратномъ пути изъ Палестины въ С.-Петербургъ. Отзывы его о святогорскихъ отцахъ не весьма удовлетворительны и почти согласуются съ пріемомъ вамъ оказаннымъ. Онъ не упоминалъ только объ ипомони ке эпакои...» Внимательны были мелкіе чиновнички, въ родѣ Котова. Но въ иномъ родѣ были—крупные, о которыхъ нѣсколько словъ ниже. Прекрасную характеристику нѣкоторыхъ крупныхъ чиновниковъ «азіатскаго» департамента того времени предлагаетъ въ своей автобіографіи образованный генералъ Дюгамель, самъ долго дипломатствовавшій въ Букарештѣ, вскорѣ послѣ странствованій Григоровича. Вотъ что говоритъ онъ о Карлѣ Коцебу, нашемъ консулѣ въ Валахіи до 1850 года: «въ душѣ игрокъ, онъ проводилъ ночи за зеленымъ столомъ, и эта необузданная страсть была причиною, что онъ постоянно находился въ денежныхъ затрудненіяхъ, что вредило его оффиціальному положенію». (Русскій Архивъ, 1885, томъ 2). Понятно, каждый въ ролѣ Григоровича, искавшаго какой-то науки, могъ только непріятно безпокоить, отрывая отъ занятій...

Одно это характерное тыканье — ученому, магистру и человѣку не первой молодости — со стороны своихъ, правда чиновниковъ, и даже титулованныхъ, показывало ясно, что полагаться можно только на себя. Къ вящему огорченію Григоровича самое оффиціальное препоручительное письмо о немъ Константинопольскому послу отъ попечителя Одесскаго учебнаго Округа, Княжевича, было получено Григоровичемъ въ Одессѣ безъ подписи попечителя. Но турецкій пріемъ оказался еще лаской сравнительно съ съ тѣмъ, что ожидало его въ Вѣнѣ, и все отъ своихъ соотечественниковъ: тамъ уже онъ встрѣченъ былъ съ невѣроятной, холопьей грубостью. Мы эти тяжелыя воспоминанія изъ недавняго былаго воскрешаемъ не для укора (можетъ быть, все это было въ духѣ эпохи), сколько для того, чтобы сильнѣе очертить кроткій, высокій нравственный обликъ смѣлаго путешественника изъ Казани. Какъ бы въ предвидѣніи всѣхъ этихъ любезностей Востока, попечитель Молоствовъ, горячій покровитель своего даровитаго слависта, всячески добивался для него при отъѣздѣ титула адъюнкта-профессора — «который бы, откровенно и предусмотрительно писалъ старикъ въ Министерство, давалъ болѣе значенія и вѣсу», но тщетно: Григоровичъ такъ и уѣхалъ «безъ вѣса», безъ желаннаго титула, на испытанія.

Но никакія физическія и душевныя испытанія не въ силахъ были остановить самоотверженнаго Григоровича предъ научнымъ долгомъ, долгомъ совѣсти. Наука, какъ неослабный стимулъ, гнала его неустанно впередъ и привела къ результатамъ, открытіямъ, которыя превзошли самыя смѣлыя чаянія; имя смѣлаго слависта, умиляя современниковъ, стало неразлучно въ исторіи Славянской науки съ эпохой ея крупнаго подъема, а самое путешествіе — эрой.

Полутаинственный Аѳонъ, о которомъ, какъ о вѣковой сокровищницѣ славянской науки, мечтали еще старики Добровскій и Копитаръ, а поэтъ Колларъ отвелъ ему особое мѣсто въ своемъ лабиринтѣ сонетовъ, сталъ теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былаго Славянства вообще. Григоровичъ вскрылъ, отрѣшилъ отъ мрака забвенія притаенные памятники старины — тысячи памятниковъ греческихъ и славянскихъ, цѣлые кодексы глаголиты, кое-какія, но крупныя, крупицы пріобрѣтя для себя и тѣмъ спасая для насъ вѣковую святыню отъ гибели или практиковавшагося на Горѣ

аукціона—продажи въ Англію. Мы говорили о вымытыхъ въ морѣ листкахъ. Но кто не слыхалъ о глаголическомъ четвероевангеліи Григоровича, старѣйшемъ евангельскомъ текстѣ, по которому молились наши пращуры?... Его же глаголическій собратъ, Зографское евангеліе, былъ открытъ Григоровичемъ. Съ сербскимъ Законникомъ Душана (изъ XV в.) въ рукахъ Григоровичъ сталъ желаннымъ и для историка-юриста. Другихъ вывезенныхъ рукописей, церковнаго и свѣтско-литературнаго содержанія (пергаменный Стефанитъ и Ихнилатъ), отъ вѣка XII, XIII и позже, мы не касаемся. Благодарными и справедливыми словами встрѣтилъ хорватскій рецензентъ второе изданіе знаменитаго «Путешествія»: «не взирая на затрудненія отъ турецкаго правительства, пестроту населенія и невѣжество монаховъ, Григоровичъ собралъ свою коллекцію знаменитыхъ рукописей, которыя навѣрное погибли бы, если бы онъ не спасъ ихъ» *).

Глухая Македонія съ сосѣдней Албаніей открыла свои тайники, уступающіе аѳонскимъ, но иногда единственные, какъ напр. кирилловскіе палимпсесты, съ рѣшающимъ словомъ въ вопросѣ о времени спроса на глаголицу у славянъ. Вмѣстѣ съ этимъ объявились живые слѣды культа дѣятелей изъ школы Свв. Солунцевъ, какъ Охридскіе монастыри, съ кое-какими монументальными даже воспоминаніями о той эпохѣ.

Не безъ доброй литературной жатвы были и другія, менѣе классическія, для нашего историка-слависта области Болгаріи. Собранная имъ на пути изъ старыхъ церквей, монастырей коллекція рукописей на современномъ болгарскомъ языкѣ XVI—XVII вѣка (въ Рылѣ, Шипкѣ и др.), драгоцѣнная для историка литературы и языка, единственная въ своемъ родѣ: она — второе украшеніе библіотеки нашего Новороссійскаго Университета. Но не мертвымъ капиталомъ явились эти неизвѣстные до тѣхъ поръ

*) Газета «Obzor» 1878, № 52, Прибавимъ что въ «Записной книгѣ» на 1849 г. извѣстнаго нашего критика и поэта, кн. Вяземскаго, сынъ котораго тогда служилъ при посольствѣ въ Константинополѣ, да и самъ онъ бывалъ тамъ, довольно обстоятельно исчерпаны историческое, географическое и литературное содержаніе книги Григоровича (см. «Сочиненія», т. 9, стр. 232—236). Для образованной русской публики трудъ Григоровича былъ поучительной новинкой по знакомству съ Турціей. Въ 20 годахъ были извѣстны у насъ замѣтки объ Аѳонѣ филеллина-карамзиниста, В. Д. Дашкова; но онѣ очень кратки.

памятники въ рукахъ ихъ спасителя для науки: изученные по обычаю уже на пути, они дозволили проницательному Григоровичу тогда же высказать блестящую гипотезу объ органическомъ развитіи современнаго болгарскаго языка, исключающемъ мысль о воздѣйствіи на него однихъ механическихъ факторовъ—новѣйшею наукою блестяще оправдываемую*). Параллельно съ историко-литературными на мѣстѣ розысканіями шли у неутомимаго путешественника-изслѣдователя работы побочныя, этнографическія, но которыя—новый листокъ въ вѣнкѣ научныхъ заслугъ Григоровича. Записанныя имъ изъ устъ народа въ дебряхъ Македоніи, горахъ Родопа и прибрежьяхъ Дуная пѣсни, по времени и по достоинству, первый компактный сборникъ для этнографіи болгаръ**). Но что́ особенно было интересно для науки, такъ это наблюденія Григоровича надъ языкомъ болгаръ Македоніи — открытіе носовыхъ звуковъ (ринезма) въ ихъ живой рѣчи, которое впервые дало твердую почву и обоснованіе для только что тогда являвшейся теоріи о болгарскомъ происхожденіи самаго церковно-славянскаго языка. Дальнѣйшія изслѣдованія только повторяли первыя наблюденія Григоровича.

Но передъ нами поучительное явленіе: тотъ, кто первый сблизилъ документально, и въ вопросѣ кардинальномъ, священный нашъ языкъ съ языкомъ славянскимъ въ Македоніи, самъ до конца дней своихъ былъ исповѣдникомъ не популярной теоріи болгарской, а западной, паннонской. Это предостерегающее слово не упрямаго, но осторожнаго и тонкаго изслѣдователя не можетъ быть равнодушно для науки. Цѣнны были и всякія другія наблюденія.

Такимъ образомъ, цѣлый караванъ новыхъ для науки коллекцій, историко-литературныхъ и этнографическихъ, сопровождалъ знаменитаго теперь Григоровича, когда онъ наконецъ на

---

*) Въ трудахъ: ак. Ягича (въ его «Арх. Слав. Фил.»), заслуженнаго львовскаго профессора Калины:—«Studya nad hist. jęz. bułg.» (Kraków 1891).

**) Только небольшая часть его издана тогда же въ Загребѣ Ст. Вразомъ, въ его журналѣ «Kolo», радушно уступленная ему русскимъ путешественникомъ, когда тотъ объѣзжалъ Хорватію. Изданныя нами въ «Записках Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей», т. XV, болгарскія пѣсни, по недавно найденной записи 30-хъ годовъ, крайне немногочисленны. Раньше еще только у В. Караджича въ изв. «Додатцима» (1822 г.).

румынскомъ берегу Дуная у Джурджева оставилъ за собою Турцію. Окончился, по классическому выраженію самого Григоровича, его «солдатскій походъ». Подъ старость лѣтъ такъ онъ называлъ, и истинно вѣрно, свои турецкія злоключенія. Первое поздравленіе по сю сторону Дуная ожидало его оттуда, откуда онъ еще недавно вынесъ одни терпкія воспоминанія, но теперь уже «почтеннѣйшій г. Григоровичъ»—изъ Константинополя. «Нынѣ мнѣ, собственноручно писалъ ему посолъ Титовъ (26 августа 1845) въ Букарештъ, но назвавъ его Иваномъ Викторовичемъ, истинно пріятно поздравить васъ съ избавленіемъ отъ трудовъ и частію даже опасностей, которымъ вы подвергали себя изъ любви къ наукѣ. Вы богато вознаграждены посѣщеніемъ мѣстъ, доселѣ почти недоступныхъ, и запасомъ рѣдкихъ матеріаловъ».

Поздравлять можно было съ чѣмъ. Безъ преувеличенія говоря, ни одна экспедиція не приносила для науки такихъ крупныхъ результатовъ, какъ одиночная экспедиція добровольца Григоровича: ибо въ немъ кипѣла жизнь науки, беззавѣтная преданность одной наукѣ, а сверхъ того — полная подготовка къ дѣлу, какая рѣдко у кого встрѣчается. Самое же повѣданіе объ этой экспедиціи, какъ ни урѣзано оно было въ своей печатной одеждѣ, заняло, не только въ русской наукѣ, но и въ богатой наукѣ Западѣ, почетное мѣсто: и сегодня правдивая и богатая наблюденіями книга Григоровича не забыта и тамъ; свидѣтельства ея принимаются съ полною вѣрою; отъ нихъ выходятъ даже современные политики*).

Но открытія и труды рѣдкаго избранника науки не окончились съ концомъ «солдатскаго пути». И Румынія ждала его съ своими дарами, съ своими интересами, которые, какъ вѣрно понималъ онъ, имѣютъ широкое примѣненіе въ Славянской наукѣ. Не говоря о славянскихъ памятникахъ средней эпохи въ исторіи румынъ, грамотахъ, онъ, русскій путешественникъ, открываетъ первый, т. е. старѣйшій, текстъ румынскаго языка и литературы свѣтскаго содержанія — Лѣтопись Моксы (переводъ съ болгарскаго языка) отъ начала XVII вѣка (въ быстрицкомъ монастырѣ въ Валахіи), благодаря своему прекрасному знанію

*) Ср. Bérard Victor, La Turquie et l'hellénisme contemporain, 117, въ вопросѣ о судьбахъ эллинизма въ Македоніи. Богатый авторъ сыплетъ золото на пути по Македоніи и все помѣхи: а Григоровичъ—съ мѣдяками!..

и румынскаго языка, первая школа котораго была у него еще въ Македоніи, среди куцо-влаховъ, благодаря своей пытливости и преданности наукѣ. Мало того, въ самомъ примитивномъ румынскомъ обществѣ того времени Григоровичъ не упустилъ сдѣлать попытку пробудить интересы къ наукѣ, къ своей собственной исторіи, столь тѣсно связанной съ славянской, хотя почва для того, понятно, была еще слабо подготовлена, да и румынское общество было уже занято болѣе серьезнымъ, чѣмъ наука, дѣломъ — фанатическою чисткой своего съ оригинальной исторіей языка отъ его историческаго ингредіента — славянскаго элемента. «Обѣщанныя вами свѣдѣнія, писалъ ему консулъ А. А. Дашковъ изъ Букарешта въ Прагу (декабрь 1846), поясняющія древнія событія валахскаго народа, а въ особенности относящіяся до церкви и его исторіи, безъ сомнѣнія будутъ приняты здѣсь съ признательностью». Очевидно, Григоровичъ и въ Букарештъ поспѣшилъ подѣлиться своими важными открытіями въ Вѣнѣ, о которыхъ рѣчь будетъ сейчасъ ниже. Въ Рагузѣ (Дубровникѣ) Григоровичъ учится «иллирійскому языку» у нѣкоего Мариновича, заплативъ ему за уроки, къ неописанному его восторгу, цѣлыхъ пять гульденовъ, и добываетъ порядочную рукописную коллекцію далматинскихъ писателей XVI—XVIII столѣтій, не безъ участія предварительнаго знакомства съ извѣстнымъ итальянскимъ, и въ тоже время хорватскимъ, поэтомъ и политикомъ Томассео, который еще въ Венеціи помогъ ему въ пользованіи знаменитымъ архивомъ былой республики *). Новыя рукописи—предметъ зависти самаго Загреба

---

*) Изъ нашего портфеля. Письмо отъ іюля 1846 года, Венеція, составляющее какъ бы общее напутствіе Григоровичу при объѣздѣ Далмаціи (оно напечатано нами въ статьѣ: «Двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ», «Историч. Вѣст.» 1881, іюль, по снятой нами копіи, въ нашемъ портфелѣ), Томассео (иначе Томашичь, ибо онъ далматинецъ) заканчивалъ такъ: «Voici les pages du huitième volume de l'Archive, ou il est question de la Dalmacie ou des pays voisins. Je vous prie de me le renvoyer avant votre départ de Venise. Je Vous salue, Monsieur, de tout mon cœur. VIII. 42. 85. 87—90. 92. 48. 125. 127. 132. 135. 137. 138. 152. 159. 165. 169. 171. 277. 293. 295. 309. 323. 391. 391. 393. 403. 479. 673. 701. 703. 705. 739. 754. 762. 764. 766». Къ этому письму были приложены рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ далматинскимъ знакомымъ Томассео, напр., къ «dottore A. Kaznačić, Ragusa». Извѣстно, что и позже, въ 50 годахъ, архивы Венеціи были трудно доступны. (Ср. «Библіографическія Записки», 1861, стр. 52).

Можно сказать, что каждый шагъ Григоровича въ каждомъ новомъ краю его историческаго объѣзда юго-востока Европы, какъ бы ни былъ различенъ онъ своею культурою, отъ Аѳона— Македоніи и до копитаровой Вѣны, гдѣ онъ съ понятною «трепетною радостью» (по его личному признанію) отыскиваетъ громадной исторической важности фоліанты «Протоколовъ» церкви Новаго Рима, синодовъ Константинопольскаго патріархата, освѣщающихъ любопытные зачатки самостоятельности румынской церкви—ознаменовывался открытіями. Но мы также каждый разъ не должны забывать, какъ не легко давались ему всѣ эти вклады въ науку, какихъ томительныхъ трудовъ стоило великому исповѣднику науки каждое его открытіе. Такъ, масса предварительнаго труда положена была имъ въ придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ, прежде чѣмъ посчастливилось ему открыть «съ трепетною радостью», какъ доносилъ онъ въ министерство, знаменитые «Протоколы». Предъ нами одни результаты; но самый процессъ работы мы забываемъ легко.

Наконецъ, нашъ путникъ у тихой пристани, въ Прагѣ, у великаго чеха—Шафарика, дѣлится съ нимъ своими наблюденіями, свѣдѣніями, знакомитъ его и съ своими литературными сокровищами славянской старины, на сколько это было возможно, такъ какъ турецкій караванъ его, съ его кодексами и отрывками, съ дороги былъ выправленъ въ Казань, разновременно: большинство отсылокъ прошло изъ Константинополя, благодаря участію посла, недавно скончавшагося В. П. Титова, оффиціальнымъ путемъ чрезъ правленіе Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, но при содѣйствіи возвращавшихся тогда въ Россію казанскихъ товарищей—оріенталистовъ: пок. Дителя и г. Березина. Можно было повторить съ нашими старыми книжниками, что не радовался такъ женихъ о невѣстѣ, какъ радъ былъ Шафарикъ своему Григоровичу, его славянскимъ урокамъ, слѣды которыхъ ясны въ современныхъ трудахъ корифея славянской науки*): уроки скромнаго русскаго ученика скромному чешскому учителю — картина эта говоритъ много.

*) Изъ ст. Шафарика 1847 же года («Výklad forem.. ») видно, что Григоровичъ показывалъ ему изъ своего глагольскаго Четвероевангелія одинъ листокъ, откуда взяты кое-какія грамматическія формы въ это изслѣдованіе.

Съ 1847 годомъ путешествіе было у конца. Но Григоровичъ все продолжалъ жить мыслями о Турціи и рвался туда. Безспорно, бесѣды съ Шафарикомъ могли питать еще неудовлетворенное его чувство, и онъ остановился теперь на смѣлой мысли—изъ Праги своротить не въ Казань, а назадъ и прежде всего въ Албанію, заполнить изученіемъ албанскаго языка крупный пробѣлъ въ самой европейской наукѣ, т. е. и здѣсь быть въ той же роли иниціатора, а затѣмъ повторить визитъ къ историческимъ монахамъ: могъ ли Григоровичъ равнодушно вспоминать, что на Аѳонѣ онъ оставилъ, напримѣръ, нетронутою зографскую глаголиту, успѣвъ ее лишь зарегистровать, а не открыть для науки, не говоря о другихъ святогорскихъ магнитахъ?... Албанскій-же языкъ занималъ его еще въ Македоніи; но узнать его, хоть нѣсколько, было для него «тщетнымъ стараніемъ», какъ не безъ сожалѣнія онъ признается въ своемъ первомъ отчетѣ *).

Высокой нравственной опорой въ этомъ новомъ смѣломъ предпріятіи Григоровича былъ самъ Шафарикъ, весь поглощенный соображеніями казанскаго путешественника. Мы равнодушно не можемъ себѣ представить, что́ дало бы въ общій оборотъ науки это возвратное путешествіе Григоровича въ Турцію, не новичка, но уже своего въ ней, прекрасно подготовленнаго; а личная не ослабшая самоотверженность — залогъ успѣха. Для науки открывалась новая богатая жатва... Но—тщетно поддерживалъ смѣлый и богатый планъ своимъ высокимъ авторитетомъ и самымъ горячимъ, убѣдительнымъ словомъ самъ Шафарикъ, подымая своихъ русскихъ друзей въ интересѣ его быстрѣйшаго выполненія **). Планъ остался предположеніемъ, а Григоровичъ

---

*) Ж. Мин. Н. Пр., 1848.

**) $^{26}/_{14}$ декабря 1846 г. Шафарикъ пишетъ историческое письмо къ Погодину: «Если я къ вамъ уже сегодня пишу и не откладываю вопроса, требующаго болѣе досуга и болѣе удовлетворительнаго пріема, то къ этому побуждаетъ меня прежде всего дѣло г. Григоровича. Г. Григоровичъ на дняхъ мнѣ говорилъ, что онъ обратился къ своему правительству о дозволеніи еще разъ отправиться въ Албанію, что по этому вопросу онъ писалъ и къ Вамъ, пославши къ вамъ нѣкоторые отрывки изъ рукописей (зналъ чѣмъ задобрить!) и прося васъ быть за него ходатаемъ, чтобы дано было разрѣшеніе Вамъ принадлежащее письмо онъ отправилъ по адрессу въ редакцію Журн. Мин. Нар. Просв. и чрезъ Вѣну. Если бы онъ мнѣ сказалъ что нибудь о посылкѣ, я бы посовѣтовалъ ему отправить прямо къ

вмѣсто Албаніи и Турціи долженъ былъ поспѣшить въ свою Казань, къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ. «2/14 марта Григоровичъ, пишетъ не безъ грусти Шафарикъ Погодину, двинулся чрезъ Лейпцигъ, Берлинъ, Штетинъ, Петербугъ, Москву въ Казань, напрасно прождавъ здѣсь бумаги изъ Петербурга» (344). Посланныя Григоровичемъ рукописи Погодину, для задобренія, пользы не принесли. Русская наука потеряла, но кто скажетъ— что?... А счастье—было вѣдь такъ близко! Можно предполагать, что причина, почему Министерство оставило безъ всякаго вниманія мысль о второмъ путешествіи Григоровича въ Турцію, не смотря на благословеніе и горячую поддержку ея со стороны такого авторитетнаго для Петербурга лица, какъ Шафарикъ, кроется въ разыгравшейся тогда такъ несчастно кіевской исторіи Костомарова и г. Кулѣша. Въ своей периферіи она задѣла и нашего странника: въ то время какъ и у г. Кулѣша была отнята командировка въ славянскія земли, Григоровичъ былъ вытребованъ изъ Берлина прямо въ Петербургъ. Графъ Уваровъ, чтобы уберечь заслуженнаго работника науки отъ непріятнаго знакомства, засадилъ его за составленіе перваго отчета, который и былъ написанъ имъ быстро: «я, вспоминалъ старикъ, не выходилъ изъ своей гостинницы цѣлую недѣлю, написалъ, подалъ и былъ сейчасъ же направленъ въ Казань»*).

Разобраться въ своихъ богатыхъ наблюденіяхъ и матері-

Вамъ; я опасаюсь, что теперь много времени потеряно... Что касается просьбы Григоровича, то лишне объ ней много распространяться. Сдѣлайте, что можно. На мой взглядъ, дѣло это очень важное. Литературныя находки Григоровича и его открытія о Климентѣ, Наумѣ и остальныхъ помощникахъ Кирилла и Меѳодія въ Македоніи и Албаніи уже теперь очень любопытны, равно какъ и старое свидѣтельство о Климентѣ, какъ изготовителѣ какого-то новаго алфавита. Второе же путешествіе его въ Албанію предложило бы теперь, послѣ лучшей подготовки, еще большіе результаты. Быть можетъ, въ вопросѣ о происхожденіи и распространеніи глаголицы, мы попали, бы если не въ самый центръ, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько болѣе твердую почву. Если потому Вы въ состояніи замолвить доброе слово предъ гр. Уваровымъ о Григоровичѣ, то это Вы сдѣлаете въ интересѣ литературы и науки. Одно меня безпокоитъ, что время слишкомъ коротко... Дѣлайте, что можно». («Переписка», 341). Дѣло не выгорѣло; но это историческое письмо останется на всегда какъ свидѣтельство глубокой отзывчивости великаго чешскаго учителя къ очереднымъ запросамъ науки и въ то же время — тонкаго умѣнья цѣнить людей, не ошибаться въ своихъ научныхъ симпатіяхъ.

*) Изъ нашихъ замѣтокъ.

алахъ и познакомить съ ними возможно полнѣе и быстрѣе ученый міръ—вотъ та естественная задача, которая ожидала Григоровича въ Казани. До сихъ поръ это знакомство имѣло болѣе семейный характеръ, напр., въ Прагѣ, и ограничивалось немногими памятниками и вопросами*). Съ азартомъ, нетерпѣніемъ ждалъ ученый міръ выполненія этой роковой задачи, не выключая и роднаго Университета, который публично объявлялъ, что онъ ждетъ отъ Григоровича «изысканій важныхъ и любопытныхъ»**).

Но всеобщія страстныя ожиданія не могли быть удовлетворены въ той мѣрѣ, какъ этого ждала наука и какъ этого, безъ сомнѣнія, желалъ самъ Григоровичъ. Въ своемъ казанскомъ заточеньѣ Григоровичъ наткнулся сразу на непреодолимыя преграды—въ примитивныхъ средствахъ печати. Академія еще не открывала своихъ славянскихъ изданій, а единственный тогда ученый органъ для изданія славянскихъ текстовъ, буде онъ пожелалъ бы дать мѣсто, знаменитыя «Чтенія» Бодянскаго, только что былъ закрытъ; а затѣмъ—послѣдовалъ вынужденный визитъ Григоровича въ Москву на смѣну опальному Бодянскому въ университетѣ, стоившій ему трехъ лѣтъ безпокойства и тяжелыхъ волненій, а въ завершеніе всего—чрезвычайная строгость духовной цензуры послѣ 1848 г. Извѣстно, что знаменитое Остромирово Евангеліе, вышедшее еще до революціоннаго года, увидѣло свѣтъ только по личному вмѣшательству великаго святителя Москвы. Одинъ примѣръ: изданныя Григоровичемъ въ 1862 г. знаменитыя Паннонскія Службы лежали въ цензурѣ 10 лѣтъ. А сокровища Григоровича, ожидавшія на первомъ мѣстѣ своего выхода въ свѣтъ, все были тексты церковнаго языка.

Такимъ образомъ, въ то время какъ вниманіе образованнаго славянскаго міра было обращено на Казань, съ тревогой ожидали всѣ оттуда откровеній: обстоятельства мѣста и времени создали лично для Григоровича невыносимое положеніе. Но, не

---

*) Впрочемъ, о своихъ открытіяхъ въ Македоніи Григоровичъ читалъ небольшой рефератъ 26 ноября 1846 г. въ засѣданіи «Чешскаго Королевскаго Общества наукъ въ Прагѣ» («Králоvská Česká Společnost Náuk v Praze»), который Шафарикъ сейчасъ же помѣстилъ въ журналѣ Чешскаго Музея, 1847, I, в. V, 508—521.

**) Отчетъ за 1846—47 г., 28.

подозрѣвая ихъ, естественно, мало свѣдущій въ русскихъ отношеніяхъ Шафарикъ, какъ тѣнь или ревнивый любовникъ, изъ далекой Праги преслѣдовалъ Григоровича, добиваясь отъ него его глаголиты. «Какъ бы вы, молитъ онъ друга Погодина (въ 1848), заставили Григоровича издать свои литературныя сокровища». «Что дѣлаетъ Григоровичъ съ своими рукописями, своими сокровищами»?, спрашиваетъ онъ также почти въ каждомъ письмѣ*). Конечно, взаимности добиться не могъ. «Григоровичъ, жалуется онъ въ 1852 г., какъ бы намѣренно укутался въ мантію молчанія»**), и въ раздраженіи бросаетъ незаслуженный попрекъ вынужденному молчальнику, что онъ намѣренно утаиваетъ свои богатства, не желаетъ съ ними дѣлиться, сдѣлать ихъ извѣстными въ наукѣ***).

Шафарикъ не могъ оріентироваться въ своеобразныхъ условіяхъ тогдашней русской жизни, не могъ, конечно, понять положенія, души Григоровича. На неумолкаемый штурмъ изъ Праги Григоровичъ отмалчивался, и сѣтованіе продолжалось. Впрочемъ кое-что было сообщено въ Прагу. Упрекамъ, заподозрѣваніямъ Шафарика счелъ полезнымъ вторить и Погодинъ въ Москвѣ, человѣкъ, который, во всякомъ случаѣ, могъ понимать положеніе дѣлъ, который самъ тогда же рекомендовалъ себя Шафарику (въ письмѣ отъ 20 февраля 1850), какъ «привыкшаго нѣсколько различать по примѣтамъ времена и лѣта», могъ разобраться въ обстоятельствахъ нашей темной жизни—во «временахъ тяжкихъ и мудренныхъ», какъ они обзывались иногда даже у того же Погодина (къ Шафарику, 2 августа 1850), и усугублялъ прекарность положенія неповиннаго Григоровича. «Письмо ваше къ Григоровичу, пишетъ онъ не безъ самодовольства Шафарику 8 апрѣля 1852 г., я отправилъ и старался всѣми силами пристыдить его за медленность и косность». Григоровичъ и — косность! Какая игра, иронія судьбы!...

Въ сознаніи своей чисто трагической безпомощности откликнуться желаннымъ дѣломъ на требованія науки и завершить свои монументальныя открытія своими работами — созданіемъ эпохи своего имени, Григоровичъ не могъ не выработать клас-

*) Переписка Погодина, 363, 370.
**) Тамъ же, 376.
***) Тамъ же, 379.

сическаго по смиренію для себя титула — «смиреннаго гамала, носильщика науки», титула, который въ разныхъ перифразахъ («чернорабочій», «рядовой» и др.) повторяется у него до конца жизни. Но едва ли онъ самъ вѣрилъ въ справедливость прибраннаго имъ для себя чрезвычайнаго титула... Мы помнимъ хорошо сѣтованія пок. Срезневскаго, слышанныя нами лично, на посѣщенія у него Григоровича, какъ онъ передъ нимъ дозволялъ себѣ садиться только на кончикъ кресла*)....

Переносясь въ тѣ времена и соображая указанныя неблагословенныя для русской науки условія, мы можемъ глубоко

*) Сдержанно-вѣжливый и смиренный, надломленный, открываетъ Григоровичъ изъ своей казанской юдоли свою переписку, и вынужденную, съ Шафарикомъ—переписку незначительную, всего два письма, отъ 1852 и 1857 годовъ. Приводимъ первое письмо цѣликомъ, какъ характерное и лично свидѣтельствующее о причинѣ невольнаго молчанія Григоровича на штурмъ изъ Праги, молчанія, которое на мѣстѣ готовы были признать знакомъ невниманія и даже того хуже — намѣреннаго игнорированія. «М. Г., Іосифъ Павловичь! Съ прискорбіемъ долженъ повиниться въ медленности своей предъ Вами. Не переставая питать къ Вамъ самое искреннее уваженіе, не находилъ въ себѣ достойнаго Васъ повода, въ обстоятельствахъ возможности легко и безпрепятственно писать къ Вамъ.—Труды Ваши, а также и другихъ ученыхъ, доходятъ до меня довольно поздво. Слѣжу однакожъ непрерывно за прекрасными успѣхами филологіи, глубже проникающей въ значеніе Церковно-словянскаго языка. Дай Богъ мнѣ быть хотя передавателемъ столь прекрасныхъ изслѣдованій. Ничтожные свои труды напечаталъ частію и буду продолжать печатать. Они будутъ касаться также Церковно-словянскаго языка. При трудности мнѣ представляющейся всегда, вынужденъ искать случая доставить ихъ Вамъ чрезъ другихъ. — По желанію Вашему изготовилъ fac simile съ возможною точностію. Оное имѣлъ честь препроводить въ Академію Наукъ и просилъ о доставлевіи Вамъ. Думаю, этимъ путемъ вѣрнѣе достигнетъ Васъ. Письмо Ваше 1849 года достигло меня уже въ 1850, благодаря неисправности того, кому М.(ихаилъ) П.(етровичъ) (т. е. Погодинъ) поручилъ передать мнѣ. Тогда по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ былъ въ переѣздахъ и долго не могъ устроиться. Вотъ почему не имѣлъ чести отвѣчать.—Находясь въ 800 верстахъ отъ Москвы, затрудняюсь и въ полученіи извѣстій и въ отвѣтѣ. Тѣмъ не менѣе буду стараться всегда отвѣчать желаніямъ Вашимъ и при этомъ пользоваться случаемъ свидѣтельствовать Вамъ глубокое уваженіе, съ которымъ нынѣ имѣю честь быть Вашимъ, М. Г., покорнѣйшимъ слугою В. Григоровичь. 8 іюля 1852 г. Казань».—По видимому, Шафарикъ болѣе къ Григоровичу не писалъ. Второе письмо Григоровича, уже на чешскомъ языкѣ, есть собственно препорученіе профессора г. Булича, уѣзжавшаго тогда за границу, въ Прагу. (Изъ нашего портфеля).

скорбѣть — что намѣреніе Востокова, этого воспріемника Григоровича при купели науки (какъ это мы видѣли выше), но заявленное имъ уже у порога смерти, именно Григоровичемъ замѣстить себя, свое кресло, въ Академіи Наукъ, не имѣло мѣста раньше, лѣтъ десять назадъ, въ эпоху самую тяжелую для казанскаго слависта, когда онъ собирался открыть свои публикаціи. Встрѣченная теперь злою оппозиціей акад. Билярскаго, мысль Востокова тогда бы, вѣроятно, увѣнчалась успѣхомъ. Какая же преспектива открывалась тогда для славянской науки?! Если же Востоковъ остановился на Григоровичѣ, если онъ какъ бы завѣщалъ ему продолжать въ наукѣ себя: то намъ ли обосновывать права избранника Востокова на признаніе науки, права на благодарную память потомства?... Высшаго признанія, какъ признаніе Востокова, въ научныхъ интересахъ извѣстнаго порядка, не можетъ быть*).

Итакъ, эпоха ожидавшихся крупныхъ дѣлъ для заточеннаго въ Казани крупнаго слависта сформироваться не могла. Но Григоровичъ остался Григоровичемъ, не коснымъ, а живымъ, и неблагопріятныя условія для дѣла изданія своихъ рукописей не воспрепятствовали ему по прежнему являться предъ наукой глашатаемъ крупныхъ мыслей, т. е., продолжать свой обычай.

Къ такимъ новымъ свидѣтельствамъ глубокаго ума Григоровича и пониманія имъ науки относятся его мысли о высо-

*) Не смотря на глубокое огорченіе, принесенное Григоровичу письмомъ самого Востокова съ извѣщеніемъ о фатальномъ исходѣ его предложенія, что̀ ясно видно изъ раздражительныхъ замѣтокъ на поляхъ письма (это письмо Востокова, почти на порогѣ могилы, съ фотографическою точностью передававшее главнѣйшіе моменты судьбы его предложенія, мы читали при ночной описи имущества Григоровича послѣ похоронъ, списать не успѣли, а гдѣ оно теперь?), Григоровичъ преклонялся предъ глубокимъ критическимъ умомъ Билярскаго, чуждый мелкаго чувства. Однимъ чувствомъ —благоговѣніемъ, проникнута его рѣчь у гроба Билярскаго, въ началѣ «бѣдняка, въ ученомъ мірѣ сущаго сироты», рѣчь, съ жаромъ написанная и съ жаромъ, памятнымъ еще многимъ, произнесенная. Но одинъ упрекъ—о «мотивахъ» и мѣсто: «умирая, онъ сознавалъ тѣ противорѣчія, въ которыя увлекала его ревность къ наукѣ и заочно простился со всѣми»,—мы позволяемъ себѣ понимать, какъ отголосокъ тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній.

комъ историко-политическомъ значеніи самаго языка св. Кирилла, этого историческаго объединителя въ нашемъ быломъ, въ то же время связующаго и возвышающаго насъ своею ролью въ исторической семьѣ арійскихъ народовъ, его мысли о начальномъ славянскомъ письмѣ, его попытка къ генетической систематизаціи церковно-славянской письменности,—его мысли объ изученіи церковно-славянскаго языка до появленія первой грамматики его. Небольшіе, но содержательные, всегда съ мыслью, эти труды основывались исключительно на келейномъ изученіи авторомъ своихъ сокровищъ. Въ этихъ работахъ, говоря его языкомъ, раскрывались новые виды для науки*). Для установки взгляда на нихъ достаточно указать, что исторія знаменитой теоріи Шафарика о славянскомъ письмѣ—о принадлежности глаголицы Св. Кириллу-идетъ отъ казанскихъ мыслей Григоровича**).

Мы видѣли, какъ давно уже глубокое знаніе Византіи отличало Григоровича. Открывши въ Вѣнѣ «Протоколы Константинопольскаго патріархата», Григоровичъ тогда же замѣтилъ, что «византійскіе источники исторіи славянъ еще не совсѣмъ исчерпаны»***). Продолженное Григоровичемъ изученіе византій-

*) «Опытъ», стр. 97. Уже здѣсь, слѣд. еще въ 1842 году, онъ говоритъ о томъ, что славянское богослуженіе обняло всѣхъ славянъ, кромѣ прибалтійскихъ, что его языкъ — церковнославянскій — выразилъ сознаніе цѣлаго племени — общеплеменное. (Стр. 12, ср. 63).

**) Позволяемъ себѣ считать недоразумѣніемъ встрѣчающееся утвержденіе нѣкоторыхъ западно-славянскихъ славистовъ, напр. вѣнскаго профессора г. К. Иречка, что въ вопросѣ о старшинствѣ глаголицы къ Шафарику «присоединился Григоровичъ» («Dějiny národa bulharského», p. 383). Крайняя уступка, что оба ученые остановились на общей гипотезѣ и въ одно и тоже время, только Шафарикъ позже провелъ ее далѣе. Изъ только что изданной переписки Шафарика съ пок. Кукулевичемъ-Сакцинскомъ въ Загребѣ видно, при какой нищенской научной обстановкѣ приходилось еще въ 1852 году работать ему въ области глаголицы, что самъ Шафарикъ тогда еще только вырабатывался въ глагольской палеографіи: знаменитую глагольскую надпись въ церквѣ св. Луціи онъ не въ силахъ былъ прочесть, хотя «и много времени потратилъ на нее», и объявилъ письмо ея не то криптографіей, не то письмомъ неизвѣстнымъ (Časopis Mus. kr. Českého, 1892, вып. I). Ср. и предисловіе въ «Památkách», 1853 годъ. Эта ученая переписка Шафарика съ хорватскимъ «глаголяшемъ» изъ міранъ объясняетъ намъ его благородную жадность, которая заставляла его преслѣдовать злополучнаго Григоровича неустаннымъ глагольскимъ штурмомъ и, неудовлетворенная, послать ему тяжелое заподозрѣніе.

***) «Отчетъ Казан. университета» за 1846 — 47 г.», стр. 29.

цевъ и своихъ греческихъ памятниковъ въ періодъ тихой, но плодотворной, преподавательской дѣятельности въ Казани, или, выражаясь его языкомъ, дѣятельности «передавателя науки», вполнѣ оправдало это замѣчаніе и стало отправною точкою для новаго направленія въ работахъ надъ исторіей южныхъ славянъ—о совмѣстномъ, но строгомъ, не романтическомъ, изученіи Византіи и православнаго Юга, стало требованіемъ научнаго построенія мѣстной исторіи.

Результатъ этихъ славяно-византійскихъ студій и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ модель для своихъ послѣдователей, Григоровичъ предложилъ въ рѣчи о Сербіи въ XIV столѣтіи, представители которой, въ періодъ самостоятельности, были «развращены всѣми пороками Византіи»*), а позже, въ эпоху турецкую, игрушкой въ рукахъ ловкаго ловца народовъ, іезуитской Австріи, этой ново-европейской Византіи. Если кто когда-либо напишетъ исторію многострадальнаго сербскаго народа, отъ XIV по XVIII столѣтіе, то именно по программѣ Григоровича, при его освѣщеніи событій.

Наконецъ, Григоровичъ въ Одессѣ, которая видѣла его ребенкомъ и такъ своеобразно полюбилась ему, освящаетъ своимъ авторитетомъ науку въ новомъ ея питомникѣ, открываетъ, такъ сказать, науку Новороссійскаго Университета; но и въ этотъ, послѣдній, періодъ своей дѣятельности онъ является съ тѣмъ же творческимъ духомъ.

Какъ человѣкъ глубокаго гуманнаго образованія, Григоровичъ несся на Югъ, съ сладкими мыслями о томъ, какъ онъ наукою урегулируетъ угловатыя отношенія сосѣдей между собою, своихъ старыхъ, любимыхъ знакомцевъ: славянъ, грековъ, румынъ, сгладитъ ихъ взаимныя шереховатости. Въ этихъ интересахъ была написана имъ для Университета знаменитая первая актовая рѣчь—о Константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ, изъ начала X вѣка, о его сердечныхъ отношеніяхъ къ Болгаріи того времени: дѣлая предостереженіе по адресу одной и другой

*) Свое воззрѣніе на то, что онъ называлъ византинизмомъ, выработалось у него отъ начала, засѣло въ немъ глубоко—навсегда. Въ своемъ «Опытѣ» онъ характеризуетъ восточныхъ славянъ: «соединенные съ Византіей однимъ исповѣданіемъ, они не знали ея р а з в р а т а» (стр. 79). Въ исторической Одесской молитвѣ къ Свв. Кириллу и Меѳодію, и на языкѣ ихъ, онъ молилъ объ охраненіи славянъ и отъ — византинизма.

враждующей стороны, историкъ какъ бы желалъ предупредить готовившуюся бурю, предварить схизму. Мечталъ онъ и о томъ, какъ пробудитъ въ обществѣ Одессы и Юга широкія симпатіи къ мѣстнымъ изученіямъ, среди которыхъ ему грезилась возможность даже отыскать «лапидарные памятники» изъ эпохи до Кирилла, которые носились предъ нимъ уже давно, еще въ Казани, когда (въ 1852 г.) онъ высказался, что Кириллъ—изобрѣтатель глаголицы, и какъ новый свѣтъ озаритъ темные вѣка нашего Юга, исконнаго культурнаго питомца Византіи, объяснитъ «культурные вопросы о земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю» (въ предложеніи о командировкѣ Билярскаго, въ 1866 г.). Много, много сладкихъ грезъ принесъ онъ съ собой въ свой новый Университетъ, съ много говорящимъ, дающемъ цѣлую програму, именемъ — «Новороссійскій», именемъ, которое мало общаго имѣетъ съ его вульгарнымъ титуломъ... Но, онъ скоро разочаровался и горько сѣтовалъ на «поганное равнодушіе, приправленное проніей», на «испытанное жестокое отчужденіе», на разныхъ «благообразныхъ преемниковъ» печенѣговъ, половцевъ*). (Ср. «Изъ лѣтописи славянской» конецъ). Да, любопытно: повсюду: въ Дерптѣ, Москвѣ, Казани, его провожала любовь; изъ одной Одессы, своей Одессы, онъ почти бѣжалъ... Но каково бы ни было его душевное состояніе, онъ не презрѣлъ завѣта науки, обѣта всей своей жизни, и работалъ, работалъ, самолично изслѣдуя географію края, его древности, его этнографію, языкъ, побуждая въ той же работѣ всякихъ людей малыхъ — духовныхъ, народныхъ учителей всего Новороссійскаго края.

Самая смерть застала Григоровича за попыткой открыть наукѣ доступъ къ наиболѣе замкнутому элементу Юга—къ ста-

---

*) Не перечислить всѣхъ этихъ кличекъ въ работахъ его одесскаго періода, но нельзя отказать въ артистическомъ подборѣ ихъ! Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: жирующіе выходцы, взыскательные выходцы, корыстолюбивые потребители, опасные ловчіи достоянія своихъ сограждань, образцовые потребители трудовъ ея воиновъ. Да, эти клички — не случайные ярлыки, а какъ бы клейма. Нельзя не признать, что Григоровичъ былъ рѣдкимъ мастеромъ слова, если только надо было что-нибудь пригвоздить: сколько меткости, мысли, конечно, уже не добродушной. Да, хорошо памятенъ и эпитетъ—«избранникъ»...

ровѣрамъ, но которые въ глазахъ его были завидными обладателями славянской литературной старины...

Мм. Гг.!

Воскресилъ ли виновникъ сегодняшняго торжества, В. И. Григоровичъ, сокрытую во мракѣ былаго жизнь, духъ нашего племени, его исторію, его слова, конечно, въ предѣлахъ, доступныхъ дѣятельности единичнаго человѣка,—на вопросъ этотъ, позволяемъ себѣ думать, исторія славянской науки можетъ дать одинъ отвѣтъ — положительный. Съ убѣжденіемъ исповѣдуемъ, что и половина того, что́ сдѣлано было для науки Григоровичемъ, была бы достаточна для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти о немъ, объ этомъ возвышенномъ и благородномъ дѣятелѣ нашей земли, что духовный обликъ его долго и долго носиться будетъ предъ лицемъ грядущихъ поколѣній.

Позволяемъ себѣ думать, что какъ долго будетъ живъ хоть одинъ языкъ славянскій, не изсякнетъ признательное чувство къ виновнику сегодняшняго дня, а энергическій и симпатическій образъ отважнаго изслѣдователя и идеальнаго человѣка науки, окруженный ореоломъ трудоваго величія, пребудетъ источникомъ воодушевленія и подражанія для работниковъ науки среди наростающихъ поколѣній, а въ самыхъ трудахъ ихъ — надежнымъ кормчимъ.

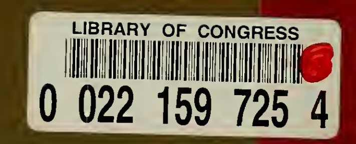
Имя избраннаго сына южно-русской земли, волею судебъ бездомнаго странника и почившаго даже смертью скудельничьей вблизи своей колыбели, крупными «рѣзами» начертано на страницахъ исторіи отечественной науки, въ трудную эпоху ея сложенія, а нашъ скромный памятникъ -- дѣло мѣднаго, трудоваго гроша*)—будетъ скромно свидѣтельствовать, что если обыкновенно людскія отношенія регулируются тяжелымъ, но отъ вѣка соблюдаемымъ, правиломъ: нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествіи и въ рожденіи своемъ, — то тѣмъ не менѣе бываютъ

---

*) Въ сооруженіи памятника принимали живое участіе многочисленныя народныя училища Бессарабской губерніи своими, буквально, копѣечными приношеніями.

и отрадныя уклоненія, что имѣетъ мѣсто временами и наступленіе моментовъ, которые отвѣчаютъ нравственному чувству и его умиряютъ.

Твердо вѣримъ, что къ скромному памятнику не заростетъ народная тропа, хотя въ виду его и нельзя еще произнести: «дѣлатель, достойный мзды своея»!...

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 159 725 4